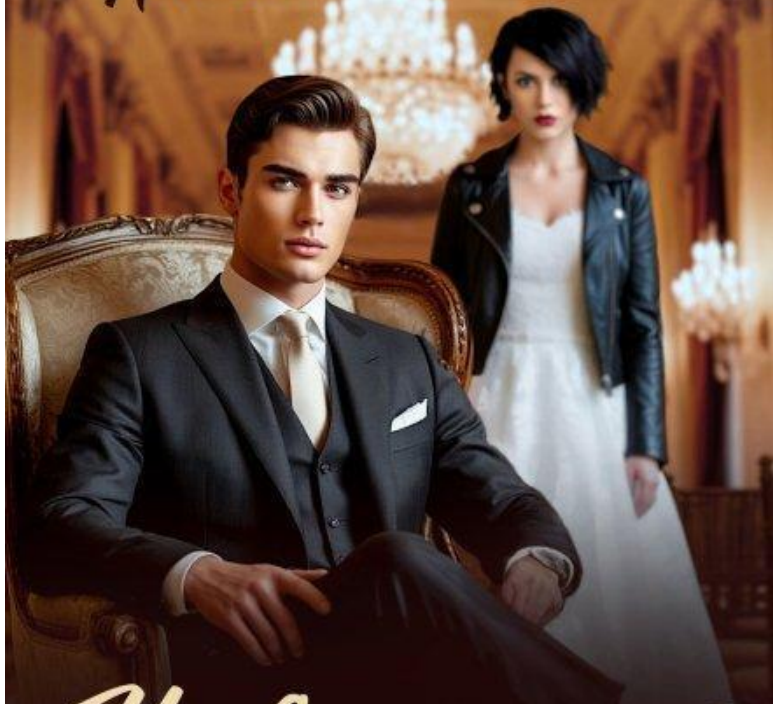

РИТА
НАВЬЕР

Невеста

ПО КОНТРАКТУ

Рита Навьер

Невеста по контракту

<https://litres.ru/74464143>

Аннотация

– Не подходи ко мне, – прошипела Саша, сжимая в кулаке шелк свадебного платья.

Равнодушно взглянув на нее, Левицкий с холодным цинизмом произнес: – Давай проясним кое-какие моменты. Мы с тобой женаты лишь номинально. Жить нам, конечно, придется вместе. Это условие твоего отца. Но близких отношений не будет. Когда надо, мы будем изображать на людях пару. Но на этом всё. У каждого из нас своя личная жизнь.

– И ты не будешь меня касаться? – уточнила Саша.

Он посмотрел на нее со скучающим видом. – Нет. Я не буду тебя касаться. Ты не в моем вкусе, если тебе так понятнее. Поэтому беспокоиться тебе не о чем.

– Ясно, – хмыкнула Саша, вдруг обидевшись. – Рожей не вышла.

Левицкий не возразил, вообще никак не отреагировал.

– Ты мне тоже не нравишься, – сообщила она.

– Хорошо, – безучастно кивнул он. – Спокойной ночи. И ушел в другую комнату, оставив ее одну.

#Неоднозначный герой #Очень эмоционально Однотомник,
ХЭ

Содержание

1.	5
2.	8
3.	14
4.	19
5	23
6	29
Визуализация	35
7	56
8	62
9	69
10	73
11	77
12	85
13	91
14	95
15	101
16	107
17	114
18	121
19	126
20	130
21	139
22	145

23	151
Конец ознакомительного фрагмента.	152

1.

Это была странная свадьба.

Роскошная, конечно, даже чересчур. У единственной дочери Игоря Апроновича по-другому и быть не могло. Несмотря на то, что эта дочь неожиданно появилась в его жизни всего три года назад, и близкими их отношения не стали. Но он вообще привык к размаху, а тут, к тому же, такое событие.

Нанятое им ивент-агентство постаралось на славу. Нашли очень колоритный особняк за городом. На первом этаже – просторные залы в стиле позднего барокко, на втором – спальные комнаты.

Но залы оставили для празднества. А сама церемония проходила перед домом на лужайке, которая усилиями декораторов походила сейчас на райские кущи. Белые шатры и навесы, шитые золотом, арки и гирлянды из живых цветов, высокие вазоны с белыми орхидеями. На столах высились пирамиды из бокалов с шампанским. Вдруг кому-то из гостей раньше времени захочется утолить жажду. К свадебному алтарю тянулась ковровая дорожка. Чуть поодаль играл струнный квартет.

Среди гостей – самые видные люди города. Большинство из них роскошью не удивить. Привыкли. Удивляло всех другое. А некоторых даже шокировало. Это невеста.

Совсем юная девушка. Вчерашняя школьница. Худенькая и невысокая. Ее шикарное белоснежное платье – настоящий шедевр от Zuhair Murad – было безнадежно загублено черной байкерской курткой, которую она зачем-то нацепила поверх, и черными тяжелыми ботинками. Смоляные волосы девчонки торчали вихрами в разные стороны, как у взъерошенного галчонка. Но сильнее всего бросался в глаза ее до неприличия вызывающий бульварный мейкап.

В рядах гостей сразу зашушукались, на невесту косились, кто – с осуждением, кто – с возмущением, кто – с насмешкой, а кое-кто – даже с ненавистью.

Дородная тётка в люрексе, специально приглашенная из загса, тоже не сразу смогла справиться с эмоциями, глядя на приближающуюся парочку.

Что уж, сам Апронович, увидев дочь, стыдливо отвел глаза. Выругнулся про себя: хотя бы сегодня могла она выглядеть нормально?! Впрочем, именно сегодня она так и вырядилась. Назло ему.

Единственный человек, на которого внешний вид невесты не произвел ровно никакого впечатления, это был жених. Артур Левицкий. Мужчина лет двадцати шести, в дорогом безупречном костюме, красивый, статный, элегантный, про таких говорят «породистый». И эта «порода» читалась во всем – в осанке, в походке, во взгляде. Тем страннее, даже нелепее казалась их пара.

Но он вел свою невесту к алтарю с непроницаемым лицом,

не обращая ни на кого внимания...

2.

– Горько! – снова завел кто-то из гостей. Подвыпивший толстый дядька с красным лицом.

Саша метнула в него взгляд, полный злости. Да сколько можно!

– Горько! – подхватили другие нестройным хором.

Левицкий, ее так называемый жених, встал и еле заметно потянул ее за локоть. Стиснув зубы, она тоже поднялась из-за стола. Опять этот дурацкий фарс, от которого уже тошнило!

Он сухо прижался к ней губами, сразу же отпустил и сел на место. Гости не успели и до трех досчитать.

Тупейшая традиция!

Саша смотрела на все эти пьющие-жующие лица и ненавидела всех. Всех и каждого. А больше всего ненавидела своего отца. Она и прежде никогда не испытывала к нему теплых чувств. Но сейчас записала его в свои заклятые враги под номером один.

Это он навязал ей дурацкий брак. Не просто навязал, а прямо-таки вынудил выйти замуж за этого лошёного надменного мудака. Заставил против ее воли. Загнал в тупик. Так, что отказаться она просто не смогла.

Наивная она, думала согласится и потянет время. А там, глядишь, и замуж выходить не придется. Но отец взялся за

дело всерьез и так спешил, что опомниться не дал.

И вот уже день свадьбы. До последнего не верилось, что это случится. Всё-таки у нас свободная страна и двадцать первый век на дворе. Но с ее папочкой, оказывается, возможно что угодно, даже такая вот патриархальная дичь.

Накануне Саша всю ночь прорыдала. А сегодня утром этот изверг поднял её с кровати ни свет ни заря. Привел к ней какого-то модного стилиста-визажиста, который ее четыре часа истязал. Но отец его работой остался доволен. Осмотрел ее как куклу и сказал пареньку: «Отлично! Наконец она хоть на девушку стала похожа».

Потом отец уехал, а Саша решила подправить образ. Конечно, назло ему. Эта ее выходка – всего лишь отчаянная и детская попытка выразить протест. И что уж, приятно было видеть, как разозлился отец, как вытянулись лица почтенной публики. Но особого удовлетворения это не принесло. Ну, выступила, ну позлила его, но ничего же не изменилось.

Она все равно сидит в этом дурацком белом платье во главе стола, на пальце кольцо, а рядом с ней ненавистный Левицкий.

Да, второй человек в списке заклятых врагов был Артур Левицкий. Чертов жених. Или уже муж?

Пусть инициатор этого безумства отец, но этот-то согласился! И не просто согласился, а еще и поторговался хорошенько. Половину отцовского бизнеса оттяпал. А ведь сам

далеко не бедствует. Саша уже его пробила. Гоняет на Бентли, носит костюмы от Армани, еду заказывает в Этерно, живет в престижном районе, а отпуска проводит на всяких Мальдивах и каждый раз с новой красоткой. Что еще этому хлыщу надо?

Что ж, если он рассчитывает, что в придачу к папочкиным капиталам получит послушную маленькую женушку, которая будет его ублажать и окружит заботой, то его ждет глубокое разочарование. Глубочайшее!

Однако несмотря на воинственный настрой, Сашу охватила паника, когда сказали, что молодоженам пора уединиться, и Левицкий подал ей руку. Черт! Надо было хотя бы напиться! Будет не так страшно и... не так больно.

– Может, прихватим со стола бутылочку шампанского? – шепнула она ему и нарвалась на такой взгляд, что почувствовала себя немытой деревенщиной, оказавшейся пред ясными очами королевича. Впрочем, это первая хоть какая-то его эмоция по отношению к ней за весь этот долгий день.

– В комнате есть бар, – произнес он надменно.

Придерживая под руку, Левицкий вывел ее из зала. Ей хотелось оттолкнуть его, но поджилки тряслись.

Неужели это случится сейчас? Ее первый раз... и с ним? Нет, нет и нет!

Спальня для молодоженов, несмотря на роскошь, показав-

лась Саше чудовищной. Это огромное ложе, усталое кроваво-красным шелком, прямо напротив – гигантское зеркало в золотой оправе, кругом свечи и цветы. Брр. Пошлятина.

Она сюда не ляжет, нет.

Саша скинула куртку, которую упрямо отказывалась снимать весь вечер. Расплела шнуровку на ботинках и разулась, чуть не простонав от удовольствия. Ботинки безбожно жали, и весь вечер она мечтала остаться босиком.

Забравшись с ногами в кресло, она исподлобья следила за Левицким.

Первым делом он расслабил галстук и снял его через голову. Это слегка удивило. Так делал ее Димка, потому что не умел завязывать галстук. Но уж этот должен уметь. Впрочем, да не плевать ли?

Затем Левицкий начал раздеваться. Неспешно, даже лениво. Повесил пиджак на плечики, смахнул невидимую пылинку. Потом снял запонки и часы, конечно же, Ролексы. Пижон.

Потом избавился от кипенно-белой рубашки, под которой оказался, чего уж скрывать, красивый торс. Подтянутый, в меру подкачанный, с гладкой кожей, покрытой ровным бронзовым загаром. Саша мазнула по нему взглядом и, зардевшись, отвела глаза. Подумала при этом: все равно ты сволочь.

Потом он повернулся к ней, смерил равнодушным взглядом. Наверное, если бы кресло было сейчас пустым, он смот-

рел бы на него ровно с тем же выражением.

Саша мгновенно напряглась. Сердце беспокойно заколотилось.

– Не трогай меня, – сказала она, сжимая в кулаке шелк свадебного платья. – Не подходи. Даже не прикасайся.

Голос прозвучал неважно, с какими-то истеричными нотками. Ну и плевать, она же на взводе. И если он все же попытается, она и не так закричит. Всех на уши поставит.

На миг в его лице отразилось самое искреннее недоумение. Затем оно снова стало отрешенным и высокомерным.

– Я и не собирался. На этот счет можешь вообще не переживать.

Саша посмотрела на него недоверчиво.

– Но... – начала она и замолкла, не зная, какими словами выразить свои мысли.

Вздохнув, как перед скучным делом, которое хочешь-не хочешь, а надо выполнить, Левицкий с холодным цинизмом произнес:

– Давай, пожалуй, сразу проясним кое-какие моменты, чтобы впредь не возникало недопонимания. Мы с тобой женаты лишь номинально. Жить нам, конечно, придется вместе. Во всяком случае, какое-то время. Это условие твоего отца. Но... скажем так, близких отношений, какие бывают у супругов, у нас не будет. Когда надо, мы будем появляться вдвоем и изображать на людях пару. Но на этом всё. У каждого из нас будет своя личная жизнь. Мне – нет дела до

твоей, тебе – до моей.

– И ты не будешь меня касаться? – уточнила Саша.

Он взглянул на нее как на слабоумную.

– Нет. Я не буду тебя касаться. Никогда. Ты не в моем вкусе, если тебе так понятнее. Поэтому беспокоиться тебе совершенно не о чем.

– Ясно, – хмыкнула Саша, вдруг обидевшись. – Рожей не вышла.

Левицкий не возразил, вообще никак не отреагировал.

– Ты мне тоже не нравишься, – сообщила она.

– Хорошо, – безучастно кивнул он. Потом снова взглянул на нее: – Только одна просьба. Смой с себя этот боевой раскрас.

3.

Саша метнула в Левицкого злой взгляд.

– Не нравится – не смотри.

Новоиспеченный муж ничего ей не ответил, зато лицо его красноречиво выразило всё, что в этот момент пришло ему на ум: господи, что за детский сад? С кем я связался?

– Мне тоже на тебя смотреть не особо приятно, – в ответку добавила Саша.

Если она и хотела его как-то задеть, то ничего не вышло. Он, казалось, вообще пропустил ее реплику мимо ушей. Открыл дверь, ведущую в другую комнату, кажется, это был кабинет, и безразличным тоном пожелал:

– Спокойной ночи.

А затем ушел, оставив ее в одиночестве.

Саша какое-то время еще сидела в кресле – хотела убедиться, что он не вернется.

Он не возвращался. И из той комнаты не доносилось ни звука. Наверное, уснул.

Сейчас она избавится от этого дурацкого платья, в котором похожа на торт Полет, от пошлейших кружевных чулок и заляжет в горячую ванну, решила Саша. Это единственное, чего ей в эту минуту хотелось.

Саша стала снимать платье. Однако не так-то это и просто, как оказалось. Она запуталась в бесконечных складках

шелка. В добавок включенными пряжками намертво зацепилась то ли за крючки, то ли за стразы и жемчужины, которыми был вышит лиф.

Платье превратилось в ловушку. В капкан. Оно душило, царапало, драло волосы. Саша психовала, стараясь из него выпутаться, и дергала нежную ткань уже с силой. И все равно тщетно.

Потеряв равновесие, она налетела боком на торшер, который тут же с шумом завалился.

«Черт!», – выругнулась она про себя. А через несколько секунд поняла, что рядом кто-то есть. Не кто-то, а Левицкий, конечно.

Она тут же запаниковала, кровь бросилась к лицу. Там же, под платьем ничего! Только чулки и трусики – и те одно название. Если спереди еще есть хоть какой-то клочок кружевной ткани, то сзади вообще вся картина напоказ.

Она заметалась, но тут ощутила его руки на своих плечах. Крепкие и уверенные.

– Стой смирно, – устало произнес он, помогая выпутаться из платья.

– Не смотри на меня!

– Было бы на что смотреть, – равнодушно ответил он. Сво-
лочь!

Его пальцы, неожиданно теплые и нежные, задевали кожу на спине, на шее, на затылке, так что и спина, и шея, и затылок сплошь покрылись мурашками.

Наконец Левицкий вызволил ее из платья. Сунул его в руки Саше, запыхавшейся и красной, и молча вернулся обратно в кабинет.

Она со злостью отбросила платье в сторону. Да так и оставила его лежать на ковре белым пышным облаком вместе с чулками, будто в противовес дотошному аккуратисту Левицкому.

С пылающими щеками юркнула в ванную комнату, огромную, отделанную мрамором, и закрыла дверь на задвижку. Но тут же невесело усмехнулась: Левицкий ведь ясно дал понять, что не позарится на ее девичьи прелести. Да, в общем-то, уже не позарился.

Ну и хорошо, сказала себе. Просто прекрасно. Можно не тревожиться хотя бы на этот счет.

Здесь тоже на всю стену висело зеркало. Пока ванна, размером с детский надувной бассейн, наполнялась водой, Саша бегло себя осмотрела. Кожа да кости, как говорила бабушка. Впалый живот. Цыплячья шея. Ключицы и ребра торчком. И грудь едва проклюнулась.

Не на что смотреть, сказал этот хлыщ. Ну, конечно, до грудастых моделек, с которыми он отдыхает на Сейшелах и Мальдивах, ей далеко.

Плевать! Димке вот она нравится и такой. А больше ее ничто и никто не волнует.

Мысли о нем заставили сердце болезненно сжаться. Сидя на бортике ванной, Саша даже всплакнула.

Потом, шипя, потихоньку опустилась в горячую воду. Белая кожа моментально покраснела. Но вскоре тело привыкло и расслабилось.

Однако стоило откинуть голову на валик и закрыть глаза, как снова шквалом хлынули мысли и воспоминания...

До того, как отец забрал ее сюда, в Иркутск, она жила в Братске с матерью и Гариком, младшим братом.

Про мать сейчас даже думать не хотелось. Она пила по-черному. Особенно в последние годы. Ее уволили с работы, за долги по коммуналке переселили из квартиры в какой-то барак, а она все равно продолжала пить и оправдывалась тем, что Сашкин отец сломал ей жизнь.

В детстве Саша очень жалела ее. Став постарше – злилась. А под конец – с трудом выносила. И все ее жалобы грубо отсекала: «Ты сама свою жизнь похерила! Только ты!».

Мать начинала горько рыдать, истерично выкрикивая: «Ты такая же черствая и бездушная, как этот подонок, твой отец! Он мне жизнь сломал, а ты добиваешь!».

Саша, не в силах терпеть, уходила из дома. К Димке или к бабушке.

Если бы не они, точно свихнулась бы от этих концертов.

Историю матери она знала уже наизусть, много раз слушала пьяные откровения. И как Сашкин отец-мерзавец совратил мать. И как бросил потом беременной, уехал в Иркутск,

разбогатеет, сволочь, а они тут нищенствуют. И как она от отчаяния тут же выскочила замуж за другого – своего бывшего одноклассника, Пашу Калинина, родила ему Гарика, но, в итоге, развелась и осталась одна. Несчастливая и никому не нужная.

Саша плохо понимала ее страдания. Подумаешь, поматросили и бросили. Подумаешь, с мужем развелась. Это что, конец света? И похуже беды у людей бывают, и ничего – как-то справляются и живут себе дальше, рассуждала она.

Даже то, что случилось с самой Сашей в день ее четырнадцатилетия, гораздо страшнее материной драмы....

4.

Тогда, в четырнадцать, она была совсем другой, сейчас даже самой не верится. Этакая девочка-припевочка с каштановыми локонами ниже плеч. Ходила в юбочках и туфлях, любила красивые заколки, браслетики и прочие девчачьи безделушки, читала взахлеб романы про любовь и много смеялась.

В тот день рождения бабушка подарила ей деньги, чтобы она отпраздновала с лучшими подружками. Викой Галкиной и Яной Ивашук. Она хотела позвать девчонок в пиццерию. Но Вика предложила отпраздновать у нее дома.

– Лучше пойдемте ко мне! Родаки свалили на дачу до завтра. Владик на соревнованиях. Так что свобода, девчонки! Можно будет до утра у меня беситься.

Они накупили полный пакет всякой всячины: газировки, шоколадок, чипсов и отправились к Вике. Время девочки и правда провели весело. Потом, уже поздно вечером, за Яной приехали родители, а Саша осталась на ночь. Вика уговорила.

Засиживаться не стали, посмотрели третью часть «Монстров на каникулах» и легли спать. Саша – в гостиной на диване, а Вика – у себя в комнате.

Обе уже уснули, когда неожиданно среди ночи вернулся старший брат Вики. Влад. И не один, а с другом. Два шест-

надцатилетних лба.

Какое-то время парни сидели и выпивали на кухне, а потом переместились в гостиную, где и обнаружили сонную Сашу.

– О, тут полуголая женщина! – присвистнул друг Влада.

– Да это подружка моей сестры. Оставь ее.

– А имя есть у подружки? Эй, крошка, как тебя зовут?

Поначалу этот друг, вроде как, просто забавлялся. Влад его немного поугovarивал не лезть к ней, но затем и сам включился. Хохоча, в шутку они стягивали с нее одеяло, щекотали ноги. Хотя ей и тогда было не до смеха. А потом оба вошли в раж и как будто озверели.

Всё дальнейшее происходило так быстро, что в памяти остались лишь сумбурные фрагменты. Влад крепко держал ее лодыжки, пытаясь развести ноги, второй – обездвижил руки, порвав на ней майку. Но она все равно отбивалась, выворачивалась, истошно кричала, звала на помощь. Только вот они заранее врубили музыку на полную громкость, и все ее крики тонули в басах и битах.

Каким-то чудом она ухитрилась вызволить одну ногу и очень удачно саданула прямо в пах Владу. Тот сразу ее отпустил и согнулся пополам. Но когда она вскочила с дивана и рванула из комнаты, кто-то из них поймал ее за волосы. Схватил и пребольно дернул назад.

На журнальном столике стояла ваза, ее и ухватила Саша.

Кинула, не глядя, и попала Владу в голову. Обезумев, он отвесил ей такую затрещину, что ее собственная голова чуть не оторвалась.

И тут в дверь стал ломиться разгневанный сосед. Это ее и спасло.

Вика же всё это время стояла в коридоре, за углом. Прижавшись к стенке, смотрела в ужасе на происходящее, зажав рот, но боялась вмешаться.

Когда Саша, глотая слезы и сотрясаясь от пережитого, торопливо надевала куртку, Влад снова вышел в прихожую. Схватил ее за предплечье, впечатал в стену.

– Слышь ты, сучка мелкая, только попробуй кому-нибудь вякнуть.

Саша что есть сил толкнула его в грудь, вырвалась и побежала в подъезд. Не стала дожидаться лифта, опрометью бросилась вниз по лестнице и потом неслась со всех ног по ночной улице, хотя никто за ней не гнался.

Дома – а они тогда еще жили в старой квартире – Саша вся в слезах кинулась к матери, но та пьяная храпела и на все попытки разбудить ее лишь бессвязно мычала. Тогда она заглянула к брату. Гарик валялся на тахте, но не спал. Сидел в телефоне. Он вообще жил наоборот – ночью бодрствовал, днем отсыпался, забив на школу.

– Меня только что чуть не изнасиловали, – простонала Саша.

Не отрывая глаз от экрана, Гарик бросил:

– Угу. Так тебе и надо.

– Ты... ты... – задыхаясь от плача, выдавила она. Но так и не договорив, махнула на него рукой и ушла.

Наутро она все же рассказала обо всем матери. Но та вдруг разоралась:

– А какого лешего ты по ночам шляешься где попало?! Я предупреждала тебя! Нет, она поперлась куда-то! Видите ли, мы уже взрослые, сами всё знаем. Зачем мать слушать, да? Ну так теперь и не жалуйся!

Так хотелось выговориться хоть кому-то. Но единственный человек, кто бы ее выслушал и поддержал – это бабушка. Однако у той было больное сердце, и лишний раз Саша старалась ее не волновать.

Несмотря на угрозы Влада, Саша все-таки пошла в полицию. Только зря она надеялась на хоть какую-то справедливость. Ни Викиному брату, ни его дружку ничего не было. Совсем ничего. А вот ей досталось по полной.

Парни от всего открестились. Родители Влада и Вики, которые прежде были к Саше очень добры, обвинили ее во всех смертных грехах. По их словам, она у них все время что-то подворовывала, то деньги, то украшения, то всякое по мелочи. И эту дикую историю сочинила, чтобы вымогать. А рану на голове Владик получил случайно. Упал неудачно. И этому даже нашлись какие-то свидетели.

Сосед, который приходил той ночью, теперь вдруг стал утверждать, что ничего такого не видел. Музыка играла громко, это да. Но он попросил, и ребята сделали потише. Саша была уверена, что Галкины ему заплатили.

Вика тоже наплела с три короба: заявила, что ничего не было, что Саша нагло врет и клеветает на ее брата. Зачем? Потому что она давно и безответно влюблена во Влада, сама к нему приставала, получила от ворот поворот и решила вот так отомстить. А Яна Ивашук ее слова подтвердила.

В школе Вика Галкина распустила те же лживые сплетни. От Саши отвернулись все. Девчонки с подачи бывших подруг презрительно фыркали, за спиной повторяли оскор-

бительные гадости, а в глаза делали вид, что ее вообще нет.

Мальчишки изводили еще хуже. Особенно Макс Карепин, с которым встречалась Вика.

Все в классе считали ее подлой гадиной, которую добропорядочная Викина семья пригрела, а она их обворовала, а затем еще и оболгала несчастного Влада. И ничего никому невозможно было доказать, хоть тресни.

Впрочем, Саша лишь поначалу хотела, чтобы ей поверили и узнали правду. А потом стало плевать. На всех плевать, лишь бы не лезли. Пусть что хотят, то и думают, стадо баранов. Жаль только, что рты им не заткнешь.

Поболтают и заткнуться, утешала она себя. Однако дни шли, а травля не стихала, а набирала обороты.

И поговорить было не с кем. Даже Гарик, родной брат, ее оттолкнул, когда она подошла к нему на перемене. По делу подошла. Одноклассники куда-то спрятали Сашину куртку, где были ключи от дома. Но он грубо ее послал.

Куртка потом нашлась. Ее нацепили на перевернутую швабру и всю измазали чем-то гадким и вонючим. Швабру приставили к школьному стенду, а над курткой прикрепили распечатанное фото Саши – лицо крупным планом. Еще и на лбу маркером написали «шлюха».

А как все хохотали, стоя толпой там, перед стендом, когда она снимала свою куртку со швабры!

– Неужели она это наденет? – слышала за спиной. – Де-

вочки, фу-у-у. Я сейчас блевану!

Саша молча сорвала свою фотографию со стенда, порвала ее под глумливые смешки и швырнула клочки в лицо Галкиной. Макс Карепин кинулся к ней со словами: «Ну всё, тварь, тебе конец».

Но тут из учительской вышла завуч. Все сразу смолкли, а Карепин отступил. Завуч, оглядев Сашину измазанную куртку, возмутилась:

– Калинина, ты совсем с ума сошла? Ты в чем ходишь? Что это за вид? Из какой канавы ты вылезла?

Сзади захохотали одноклассники. Завуч потом и на них накричала, но легче от этого не стало.

Наверное, в тот момент Сашу и «переклинило», как говорила мать.

Неделю она вообще в школе не появлялась. Гуляла по городу. Потом коротко постригла свои длинные волнистые волосы, которыми так гордилась, и выкрасила их в иссиня-черный цвет. В секонд-хэнде купила себе на остатки подарочных денег куртку – черную, кожаную с заклепками. И ботинки ей под стать. А еще черные джинсы с драными коленями.

С того дня она больше не надевала ни юбок, ни платьев.

В школе ее новый образ встретили шквалом смешков и унижительных прозвищ.

– О, Калинина теперь заделалась нефоршей?

Как только ее ни обзывали – и чучелом, и пугалом, и бичихой. И это еще самое безобидное. Больше всех выступал,

как всегда, Карепин. Даже на уроках не мог успокоиться. И в конце концов терпение у нее лопнуло.

В тот день Марья Ивановна, пожилая математичка, вызвала ее к доске доказывать теорему. С геометрией у Саши никогда не было проблем. Она бодро записывала формулы, когда в затылок что-то пролетело, и все засмеялись. Это Карепин со своей первой парты кинул в нее каучуковый шарик.

– Снайпер! – сказал кто-то.

И снова по классу прокатились смешки.

А затем Саша положила мел, взяла длинную деревянную указку, развернулась к Карепину и с размаху его ударила. Все охнули, повскакивали с мест. Сам Карепин закричал. Прижал руку к месту удара. Оказывается, она рассекла ему ухо в кровь.

Был жуткий скандал. Родители Карепина выкатили какой-то безумный счет за лечение и моральный ущерб. Но Сашина мать даже слушать их не стала. Захлопнула перед ними дверь и не открывала, сколько они ни стучали.

Директриса созвала собрание, на которое мать тоже не явилась. Сашу ругали, позорили, заставляли извиниться перед Карепиным. Но Саша отказывалась: «Не буду. Он издевался надо мной весь последний месяц. В следующий раз я эту указку вообще ему в глаз воткну».

Ее поставили на учет в ПДН. Но хоть из школы не исключили, хотя родители Карепина очень на этом настаивали. Математичка и учитель информатики за нее вступились.

«Она же на городской и районной олимпиаде победила! Она турнир по информатике выиграла! А Карепин что? Разгильдяй и троечник. Сам ее довел, сам виноват».

Сашу назначили ходить к школьному психологу. А в классе ее стали называть шизо. И все равно покоя не давали. Пусть уже так сильно не нагтели, но исподтишка мелко гадили.

Димка же учился в параллельном классе. И был там звездой. Еще бы! Сильный, смелый, обаятельный, спортивный. Боксер, между прочим. Даже какой-то призер в легком весе. Но Саша прежде едва его замечала. Впрочем, как и он ее. До одного случая, который мог бы стать несчастным. Но стал неожиданно счастливым. Самым счастливым в ее жизни.

Карепин тогда толкнул ее на лестнице. Подло так, со спины. Она бы кубарем упала, но в тот момент навстречу поднимался Димка и поймал Сашу на лету. Задержал в руках. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, оба охваченные внезапным смятением.

Саша точно знает – именно в тот момент она в него влюбилась.

Затем Димка убрал руки и, в два прыжка поднявшись наверх, догнал Карепина. Потрепал хорошенько и, скрутив, потащил его, скулящего от боли, к Саше. Извиняться. Там же, в коридоре, на перемене, при всех Карепин просил у нее прощения и слезно клялся, что больше никогда не будет ее обижать.

Новость о том, что Димка Купцов побил Макса Карепина и, что еще удивительнее, заставил извиниться перед Сашей, мгновенно облетела всю школу.

С того дня от нее отстали. Больше не было ни пакостей исподтишка, ни тычков, ни оскорблений. Во всяком случае, в глаза. Еще бы! С Димкой считались, а некоторые даже его побаивались.

Следующие четыре с половиной месяца Саша тайно его любила. В школу, которую успела так люто возненавидеть, теперь рвалась всей душой. Не пропускала ни дня, даже когда болела. Высматривала его на переменах. И порой ей было достаточно мимолетного взгляда и дружеского «привет», чтобы чувствовать себя остаток дня счастливой.

Правда, так было только в первое время. Потом этого стало не хватать. Хотелось большего. Пусть не встречаться, нет. Об этом она и мечтать не смела. К тому же Димка был занят. Но хотя бы немного общаться и видеть чуть чаще, чем пара мгновений в день.

Она так завидовала его одноклассникам, которые по полдня могли запросто смотреть на него на уроках. А уж Димкину девушку Саша всерьез считала самым счастливым человеком на земле. Ведь она могла говорить с ним обо всем, могла

быть рядом, могла видеть его практически в любое время.

У Саши же были только его фотографии в контакте и инсте. Она все глаза о них стёрла. И конечно, нашла про него всё-всё, что только можно найти в сети. На этой волне заинтересовалась вдруг боксом, рэпом и компьютерной игрой – какой-то военной стратегией, в которую рубился Димка под громким ником Зевс.

Прежде Саша ничем подобным не увлекалась, но тут освоилась быстро и даже втянулась. С математической точностью она просчитывала свои действия и вероятные ходы противника на несколько шагов вперед и выстраивала безошибочную тактику. В итоге – в ее списке были сплошные победы, ну и с полдюжины ничьих.

А Димка играл плохо. Напористо, смело, бездумно и только впустую терял ресурсы.

В игре был общий чат для участников и личные сообщения. Не смея выдать себя, Саша под ником Черная Стрела написала Димке первой. И то долго собиралась, никак не могла отважиться. Печатала буквы, и руки дрожали. Десять раз набрала, удалила и снова набрала:

«Привет, Зевс. Можно дам тебе совет? Не атакуй напрямую, лучше сейчас отступи. Пусть противник подойдет к скалам. Естественное препятствие их замедлит и расфокусирует. Ты тем временем обойди их с правого и левого флангов и затем сомкни кольцо».

«Привет, Стрела. Но я никогда не отступаю и не сдаюсь!»

Лучше погибнуть в бою, чем позорно сбежать».

«Это не побег. Это тактическое отступление. Ловушка. И еще применяй лучше другое оружие».

«Почему? У этого уровень урона самый крутой».

«Оно хорошо только для ближнего боя, а на расстоянии урон от него минимальный».

В тот вечер они переписывались до поздней ночи. Димка все-таки внял ее советам и разгромил армию противника. Довольный, он писал ей такие чудесные слова, от которых сердце радостно трепетало.

Постепенно их переписка вышла за рамки игры. Они стали обсуждать всё подряд и даже делиться сокровенным.

Это было их время – с девяти вечера и до полуночи. А в выходные могли засидеться и еще дольше.

Саша, едва проснувшись, весь день, каждую минуту ждала, когда настанет девять часов. Для нее эта переписка стала самой важной частью жизни.

В школе Димка по-прежнему с ней только здоровался, иногда подмигивал мимоходом, но на этом всё. Там он общался с другими. С одноклассниками, с друзьями, со своей Леной.

Ну и пусть. Зато вечером он принадлежал только Саше. И с ней он был настоящим, искренним, откровенным.

Однажды Димка написал ей:

«Знаешь, о чем я больше всего жалею? Что мы с тобой можем болтать только в сети. Что ты где-то далеко. Вот

было бы прикольно встретиться в реале. А еще жаль, что моя девушка не понимает меня, как ты. У нас вообще с ней последнее время всё разладилось. Обижается, что уделяю мало времени. Ссоримся постоянно. И сегодня опять поссорились. Спрашиваю: «Че не так?». Молчит. «На че ты опять обиделась?». Молчит. Достало уже! Хотя сегодня-то я как раз знаю, за что она надулась. Не пошел с ней на днюху к ее подружке. А у меня так-то тренировка была! У нас соревнования скоро. Она даже слушать ничего не хочет. Может, мне с ней вообще расстаться, как думаешь? Ты бы как на моем месте поступила?».

Сердце в тот момент прыгало как заведенное. Так легко она тогда могла устранить Лену.

Могла, да не смогла. Это было бы нечестно.

«А ты ей напиши. С душой. Объясни всё хорошо. И скажи, что сам жалеешь, что не смог пойти. Но что думал про нее все это время».

Димка написал куцее послание. Отправил на проверку Саше.

«Ну, если честно, то как-то не очень. Сухо. Как будто на отвязись».

«Ну, я по-другому не умею. Я ж не какой-то там Пушкин. Слушай, а попробуй ты? В смысле, как бы ты написала на моем месте?».

Саша сначала отнекивалась, но Димка ее уломал. А отказывать ему она не могла.

На другой день Димка в назначенный час не вышел в сеть. Появился уже далеко за полночь.

«Стрелка моя, ты такая молодчина! Прикинь, Ленка ко мне сегодня сама подошла. Вся такая ласковая и милая. Я так рад, что послушал тебя и не послал ее сгоряча. Договорились вообще больше не ссориться. Короче, спасибо тебе! Прямо от души!».

«Я рада», – улыбнулась, а у самой на глаза наворачивались слезы.

Впрочем, их идиллия долго не продлилась. Через две недели Димка снова разругался с Леной в пух и прах. Но тогда же случилось и еще кое-что посерьезнее...

Димка после соревнований пришел на занятия с заплывшим глазом и синяком на пол-лица. Саша в тот день столкнулась с ним на крыльце школы и аж вздрогнула. Димка увидел ее реакцию и рассмеялся.

– Да ты чего? Это ж ерунда. Я вон еще плечо вывихнул. Вот это реально стремно, – сокрушаясь, сказал он и тут же снова беспечно улыбнулся: – Ну, ничего, до свадьбы заживет.

Подмигнул ей весело и ушел.

На другой день была суббота. Они не учились, и Саша извелась вся в ожидании вечера. Димка появился в сети даже раньше обычного. Написал:

«Привет, Стрелочка. Ты как?»

«Отлично», – не соврала Саша. Когда она общалась с Димкой, именно так она себя и чувствовала.

«А я дома один, скучаю. Мать уехала в командировку. С Ленкой в ссоре. Короче, ни то ни се».

«А как твое плечо?», – поинтересовалась Саша. И тут же застыла в ужасе, запоздало сообразив, что Димка ничего ей про свою травму не писал. И удалять сообщение было уже поздно – он его прочел. Сердце будто остановилось, превратившись в льдинку. А на лбу выступил холодный пот.

«А ты откуда знаешь про плечо?», – спросил Димка.

Саша запаниковала: что делать? Что на это ответить?

Вскочила со стула, давай метаться по комнате и приговаривать: какая дура! Господи, почему я такая дура? Как я могла так всё испортить?!

Не дождавшись ее ответа, Димка снова написал:

«Стрелка, ты кто? Ты из нашей школы, верно?».

Саша захлопнула ноутбук и со стоном рухнула на постель лицом в подушку.

Визуализация

Дорогие читатели, новая глава будет сегодня вечером, а пока хочу представить вам героев, какими вижу их я.

Саша сейчас (на свадьбе)

Саша (ночь после свадьбы)

Саша раньше, до того, как ее забрал отец

Артур Левицкий

Димка Куцков (боксер, первая любовь Саши)

Игорь Апронович (отец Саши)

Матъ Саши

Гарик, брат Саши по матери

В понедельник Саша старалась не показываться Димке на глаза. Но он сам догнал её после уроков, когда она шла из школы.

– Постой! Подожди! – окликнул, подбегая к ней.

Внутри все опустилось. Саша обреченно остановилась и подняла на него глаза.

– Это же ты была, да? – спросил ее Димка в лоб. – Ты – Черная Стрела?

Кровь горячо ударило в лицо. А язык прирос к нёбу.

– Чего молчишь? Да я и так знаю, что это ты. Я сначала думал, что Ленка кого-то из своих подружек подослала, но потом повспоминал... Короче, кроме тебя я никому не говорил про вывих. Мать только знает и тренер. Так что...

Димка щурился на солнце и при этом умудрялся смотреть на нее так, будто она его предала.

– Да, это я, – призналась Саша.

Врать тут было бессмысленно. Да она и не смогла бы.

– Бли-и-ин, ну как так-то... – раздосадовано протянул он, глядя куда-то мимо неё. Потом опять опустил на нее разочарованный взгляд.

– Зачем ты это делала?

Она пожала плечами, виновато опустив голову.

– Нет, серьезно, нафига? – повысил он голос. – К чему

были эти игры?

Димка вдруг разозлился и сейчас почти кричал на нее.

– Да что я такого ужасного сделала? – в слезах вскинулась Саша. – Да, я написала тебе. Но я же ничего плохого не сделала! Я просто с тобой общалась. Мне было интересно, вот и всё.

– А зачем было сочинять, что ты не отсюда? Почему ты просто не назвалась, как есть?

– Я не могла.

– Почему?

Она молчала.

– Нет уж скажи, – наседал. – Зачем тебе всё это надо было?

– Потому что ты мне нравишься! – выкрикнула она в сердцах.

Димка слегка опешил.

– ... и потому что я думала, что ты тогда не станешь со мной общаться, – умирая от стыда, призналась Саша. – Ну... если узнаешь, кто я.

– А почему нет-то? Ну, может, не так, но все равно... – пробубнил он растерянно, но тут же снова вскинулся: – А теперь получается, что ты меня тупо обманывала. Я тебе всю душу наизнанку, а ты врала мне... обо всём врала. Разыгрывала со мной какой-то долбанный спектакль! Дурака из меня сделала.

– Нет, нет, – отчаянно замотала головой Саша.

– Я думал, у меня есть офигенная подруга, а на самом де-

ле...

– Так оно и есть! – воскликнула в слезах Саша.

– Нет. Это не дружба, это фальшивка. Постановва, понимаешь?

Он развернулся и пошёл прочь, а Саша какое-то время еще стояла посреди улицы, не сдерживая рыданий. Казалось, жизнь кончилась.

Потом поплелась домой, ссутулившись словно под непосильной ношей.

Дома она первым делом зашла в свой аккаунт Черной стрелы и, глотая слезы, удалила его вместе со всей их перепиской.

На следующий день Саша проснулась совершенно больной. Мать, увидев Сашу, свернувшуюся калачиком в кровати, спросила:

– В школу не идешь, что ли?

– Нет. Мне плохо.

– Заболела, что ли? Позвони тогда своей бабке. Пусть деньжат подкинет. Лекарства купим и тебе, и мне. А то мне тоже сегодня что-то совсем муторно. Подлечиться надо бы.

Саша никак на ее слова не отреагировала. Мать не унималась, ходила кругами, клянчила, стонала, что умирает.

– Жалко, что ли, матери родной помочь? Видишь, подыхаю? Ну, позвони ты бабке! Она для тебя все сделает.

Саша не выдержала:

– Да отстань ты от меня! Не буду я никому звонить! И

вообще, достала уже бухать!

— Как ты с матерью разговариваешь, дрянь? — взвилась мать. — Ты в моем доме живешь! Сидишь у меня на шее! И смеешь со мной вот так!

Под несмолкаемые крики Саша тяжело поднялась с кровати, оделась, взяла сумку и ушла. К счастью, бабушка жила довольно близко. Но все равно Саша еле доползла на ослабевших ногах до ее дома.

Зато у бабушки было хорошо. Тихо, уютно, спокойно. Она ее и накормила, и приласкала, и пожалела. И врача, конечно, вызвала.

Только спустя четыре дня Саша вернулась домой.

— Ты от бабки? — спросил Гарик, сняв один наушник. Матери дома не было. — Пожрать хоть принесла?

Саша ушла за свою ширму. Только у Гарика была отдельная комната, а они с матерью делили на двоих зал. Свой угол Саша отгородила ширмой.

Засела за уроки. И так пропустила почти неделю. А уже вечером, около десяти часов, кто-то постучал. Мать где-то ещё гуляла. А Гарик, как всегда, слушал музыку в наушниках и ни на что не реагировал.

— Гарик, это, наверное, к тебе, — выглянув в коридор, крикнула Саша. — Дружки твои опять.

Потому что так поздно приходили только к нему. Но брат не отозвался.

Стук, между тем, повторился. Стал громче и настойчивее.

Саша подошла к двери, кутаясь в байковую клетчатую рубашку, щелкнула замком и замерла в потрясении. Это был Димка. Стоял там в подъездном полумраке и прожигал ее взглядом.

– Ты... – только и смогла пролепетать Саша, а бедное сердце так и зашлось.

– Можно тебя? – хрипло спросил Димка.

Она быстро накинула пуховик и вышла в подъезд. Но Димка начал не сразу, долго мялся, кусал губы. Но ей было в удовольствие и просто стоять с ним рядом. Видеть его...

– Зачем ты снесла свой акк и удалила всю нашу переписку? – спросил он.

– Потому что ты прав. Это была не дружба, а фальшивка. Прости меня.

И тут же он порывисто подался к ней и зачастил горячо:

– Нет, это ты меня прости. Я не должен был так говорить. Я потом много думал... вспоминал всё, что ты мне писала... Ты ведь даже с Ленкой мне помогла. Это же вообще, ну... благородно типа, круто, я бы так не смог... – он путался в словах, но говорил искренне. – Но дело не в этом. Пофиг на Ленку и вообще... Саш, мне тебя очень не хватает. Мне ни с кем не было так классно, как с тобой. Я тебя каждый день в школе ждал. Спросил вот у ваших твой адрес.

Он посмотрел на их облезлую дверь, потом снова на нее и добавил:

– И знаешь, я на самом деле даже рад, что так всё вышло. Ну, что ты не где-то там неизвестно где. А тут, рядом, настоящая, что мы можем с тобой не только переписываться, но и встречаться.

Саше казалось, что она видит сон. Волшебный дивный сон. И боялась даже выдохнуть, лишь бы он не рассеялся.

– Саш... не молчи... Ты согласна?

– С чем? – с трудом соображая от нахлынувших эмоций, спросила Саша.

– Встречаться со мной. Ну типа как пара. Если что, с Ленкой у нас всё уже. Разбежались, хотя ты же в курсе. Саш...

– Да, – выдохнула она и привалилась к стене спиной. Ноги совсем не держали. А в следующую секунду почувствовала его губы.

Они целовались жадно, нетерпеливо, как будто впопыхах, пока кто-то из соседей не вошел в подъезд. Димка сразу отпрянул. Отошел к лестнице и стал спускаться вниз спиной, пока видел ее. А перед тем, как свернуть и скрыться из виду, спросил:

– Завтра придешь в школу?

– Приду, – ответила Саша.

– Тогда до завтра, – подмигнул он, широко улыбнулся и побежал вниз.

Саша много раз рисовала в своих мечтах, как они могли бы встречаться с Димкой. Но в жизни все оказалось даже лучше. Ярче, острее.

Она пьянела от счастья всякий раз, стоило только подумывать, что они вместе, что он влюблен, что всем и каждому представляет ее: «Это *моя* девушка».

А уж рядом с ним Саша и вовсе сияла и млела. И ничего больше не хотелось.

Сам Димка напоминал ей довольного кота. Большого, сильного и ласкового. С ней – ласкового. С другими, кто, по его мнению, обижал Сашу, он вмиг превращался в разъяренного тигра.

Однажды они стояли вдвоем у окна в школьном коридоре, а мимо шел Максим Карепин. Он не сказал ни слова, но бросил на нее неприязненный взгляд и едва заметно ни то хмыкнул, ни то что-то высказал себе неслышное под нос. В общем-то, он всегда на нее теперь шипел исподтишка.

Димка тотчас оцетинился. Схватил его и так потряхнул, что у Макса зубы клацнули.

– Ты, ушлепок, ты как на мою девушку смотришь?

– Да никак я не смотрю, – трусливо заюлил Карепин. – Я просто в окно взглянул... погода стремная... я поэтому так...

– Поэтому так, – передразнил его Димка. – А почему с ней не здороваешься? Ты меня что, не уважаешь?

– Почему не уважаю? – испуганно округлил глаза Макс. – Уважаю! Ты что, Димон? Очень уважаю!

– Нет, ты не понял. Ты не поздоровался с моей девушкой. Проявил к ней неуважение. А, значит, ты не уважаешь и меня.

– Я не... ничего такого... – зачастил Макс. – Я просто задумался. Честное слово, Димон! Я больше не буду. Прости.

– Не у меня ты должен просить прощения.

– Саш, прости, я правда не хотел, – сразу обратился к ней Карепин. Впервые с этой осени – по имени.

– Ну что скажешь, Саня, – взглянул на ее с улыбкой Димка. – Поучим его уму-разуму?

– Да пусть идет, – смиростивилась Саша.

– Ла-а-ан, – протянул Димка, – живи пока. Но помни, если вдруг что...

Он характерно скрутил два кулака, намекая, что будет с Максом.

– Всё, чеши, – позволил ему уйти, а потом повернулся к Саше: – Всех за тебя порву!

А Карепин и правда с того дня при встрече с ней здоровался.

Гарику тоже едва не досталось от Димки. Он тогда пришел к ней в гости. Мать где-то болталась – такие загулы у нее

случались время от времени. Гарик сидел в своей комнате, слушал музыку и им не мешал. Но в одиннадцать вечера, когда Димка уже уходил, тоже вдруг куда-то засобирался.

– А ты куда? – спросила Саша брата.

– Не твоё дело, – огрызнулся тот.

Димка тотчас вспыхнул, но Саша его придержала за рукав, мол, ничего страшного, не обращай внимания.

– Никуда ты так поздно не пойдёшь, – твердо сказала она.

– Я тебя не пушу.

– А я тебя и спрашивать не буду, – потянулся Гарик за курткой.

– Надо будет – спросишь, – перехватила её Саша.

– Отвали! – прикрикнул он, пытаясь вырвать у неё свою куртку. – Отцепись, я сказал!

И тут уж Димка не выдержал. Сграбастал его как цыпленка, и он сразу заскулил.

– Слышь, мелкий, ты совсем берега попутал? Я ж тебе сейчас так отвалю, что мало не покажется.

– Блин, больно, больно, отпусти! – хныкал Гарик, беспомощно суча руками и ногами.

– Дим, отпусти его, – вмешалась Саша.

– Спасибо скажи, что Сашка – твоя сестра. В другой раз тебя, сопля, и это не спасет. Понял? – Димка отпустил Гарика. Тот красный и злой побежал к себе, хлопнув дверью.

– Совсем распустила ты мелкого, – широко улыбаясь, подытожил Димка. Затем поцеловал в губы и пошел к себе.

С тех пор Гарик носа не высовывал из своей комнаты, когда приходил к ним Димка. Но чаще они, конечно, проводили время у него дома. Долго гулять по улицам было холодно — зима в том году выдалась морозная. А у Димки было хорошо и уютно. И Димкина мама к Саше относилась по-доброму.

Несколько раз Саша даже оставалась у них на ночь, когда мать совсем допекала. Димка раскладывал свой диван, и спали они вдвоем в обнимку. Целовались как сумасшедшие, но далеко не заходили. Димка-то бы с радостью, конечно. Но понимал ее и не настаивал.

Маме его, наверное, всё это не очень нравилось, но она не вмешивалась.

Дни теперь не тянулись уныло как раньше, а проносились головокружительным вихрем. И сама Саша находилась всё время в какой-то полуэйфории. Казалось, ничто не может омрачить ей настроение. Ни вечно пьяная мать, ни Гарик, который огрызался на каждое ее слово, ни одноклассники, которые больше к ней не цеплялись, но между собой, конечно же, перемывали ей косточки еще больше, чем прежде.

Впрочем, кое-что все же случилось, и это выбило её из равновесия. Но если бы не Димкина поддержка, Саша, наверное, совсем упала бы духом.

В конце февраля к ним явились приставы с судебным ре-

шением о выселении из квартиры. Жилье у них было муниципальным, а мать, как оказалось, больше полугода не платила за коммуналку, игнорируя все извещения.

Бабушка, узнав об этом от Саши, пыталась как-то уладить вопрос. Готова была оплатить их долги, хотела обжаловать решение суда, даже сыну своему, Сашиному отцу, звонила. Но тот и слушать ее не стал. Дела Сашиной матери его не интересовали абсолютно.

– Сашенька, Игорь просто сейчас очень занят, – извиняющимся тоном сказала тогда бабушка. Она всегда его старалась оправдать.

Но Саше даже слушать это было смешно. И горько. За четырнадцать с половиной лет он не нашел ни минуты, чтобы повидать ее, свою дочь. Наверняка, он даже не знает, как она выглядит. Да он вообще ничего про нее не знает. Ему это просто безразлично. Что уж говорить о том, чтобы решать их проблемы.

В конце концов вместо двухкомнатной квартиры почти в центре им дали неблагоустроенный дом на отшибе. Гарик психовал, орал на мать, крыл ее матом, в общем-то, их обоих крыл. Потому что Саша, хоть и тоже на нее злилась, но пыталась Гарика утихомирить. Это же все-таки мать, пусть даже такая непутевая. Да и что толку теперь уже орать? Это ничего не изменит. Надо было как-то обустраиваться.

Приглашать к себе Димку Саша теперь стыдилась. Хотя здесь у нее появилась своя отдельная комнатка. Но сам до-

мишко был уж очень убог и снаружи, и изнутри. Прогнившие доски пола жалобно скрипели и страшно прогибались даже под ее легким весом. С потолка давно осыпалась штукатурка, старые засаленные обои висели на стенах клочьями. Но самое главное запах – сырой и затхлый.

Димка сам попросился посмотреть их новое жилище. А когда потеплело, вызвался сделать в Сашиной комнате ремонт. Это были весенние каникулы. Он приходил каждый день. Помогал выгребать старый мусор, оставшийся от предыдущих жильцов, и очищать стены и потолки. Димка даже поменял розетки. Прежние буквально вываливались из стены со всеми своими потрохами. Вместе они побелили потолок. Сами при этом перепачкались, но зато насмеялись до колик.

Потом как-то обои принес новые. Сказал, что его мама когда-то купила, да пока дошли до них руки, они ей уже разонравились. Но обои были очень милые и светлые. Комнатка сразу преобразилась, когда они оклеили ими стены.

Саша тогда до слёз растрогалась.

– Ты столько всего для меня делаешь, сколько никто не делал... То есть бабушка тоже, конечно, но она – бабушка... родная... А ты...

– Эй, ну ты чего? – засмутился Димка. – Я же тебя люблю.

Саша вскинула на него глаза. Он впервые это сказал! И, похоже, сам от себя не ожидал такого признания. Смутился вдруг еще больше, покраснел, пока Саша не призналась

В ответ:

– Я тоже тебя люблю...

Весна наступила поздно. Лишь в апреле чуть потеплело. Днем всё таяло и текло, а за ночь эту жижу прихватывал мороз. Тротуар и дороги превращались в каток.

Дома тоже было холодно ночами. Мать иногда топила печь, когда была более-менее в кондиции. Хотя чаще ленилась. Предпочитала греться другим, привычным способом. Ну а Саше, чтобы не мерзла, Димка принес старый, еще дедушкин, обогреватель, перемотанный изолентой. Правда, на ночь Саша его выключала – опасалась пожара.

Но в тот вечер поднялся такой сильный ветер, просто настоящая метель, что дом выстудило насквозь. Чуть ли пар изо рта не шел.

Мать покряхтела-постонала, но все-таки растопила печь.

На ужин они поели пустые макароны. Зато к чаю были и пряники, и конфеты – бабушка дала Саше с собой.

– Мам, а где Гарик? – спросила Саша.

– А кто ж его знает, – пожала мать плечами. – Носится где-то.

– Но уже поздно, и на улице кошмар творится.

– Ой, да что с ним сделается, – отмахнулась она. Поднялась, достала из буфета бутылку с чем-то темно-бурым.

– Будешь? – предложила вдруг Саше.

– Нет, конечно.

– А че? Давай по капельке за компанию. Это же не водка тебе, не самогон, а настойка. Слабенькая. На рябине. Полезно даже.

Саша молча вышла из-за стола и закрылась у себя в комнате. Несколько раз набрала Гарика, но тот не брал трубку. Писала ему: «Где ты? Уже поздно! Иди домой!». Но сообщения уходили в пустоту.

В конце концов, ближе к полуночи, Гарик отправил ей голосовое. Конечно же, в своей манере: «Да ты достала уже названивать! Отвали!»

«Ай, да пошли вы все», – разозлилась Саша.

Какое-то время еще переписывалась с Димкой. Потом ее сморило, и она легла спать.

А проснулась оттого, что ее куда-то несут, быстро, небрежно, дергано. Кто, куда, зачем – ничего не понять. Горло раздирало, будто она глотнула что-то очень едкое. Трудно было дышать, казалось, легкие скукожились. Голова болела так, словно череп распирало изнутри и вот-вот он попросту расколется. В ушах стоял шум, сквозь который она никак не могла разобрать чужие голоса. А еще было холодно. Очень.

Саша пыталась понять, что происходит. Но сознание все время уплывало.

Окончательно она пришла в себя уже в больничной палате. Разлепила веки, и тут же снова зажмурилась. Яркий свет больно резанул глаза. Потребовалось несколько секунд, что-

бы привыкнуть. И все равно перед глазами двоилось и летали мушки.

Но бабушку она признала сразу. Та сидела возле ее кровати, очень уставшая, даже какая-то больная. Саше показалось, что она сильно постарела с последней их встречи.

Голова казалась набита ватой, а в затылке и висках пульсировала тупая боль, которая тотчас взвивалась и прошивала насквозь, стоило чуть пошевелинуться. Даже глазами двигать было больно.

– Что со мной? – неслышно, одними губами спросила она.

Но бабушка поняла. Придвинулась ближе. Саша отметила, что глаза у нее стали маленькие как щелочки и слезились.

– Это всё Анна, дуреха бестолковая... уснула пьяная и не открыла заслонку. Вы угорели с ней. Хорошо еще, что сквозняк был... И что Гарик пришел. Вытащил вас с матерью на улицу и скорую вызвал. Если бы не он... даже подумать страшно... – Бабушка прижала обе ладошки к лицу и показала головой. – Бедная моя деточка... Мать твоя вас обеих чуть на тот свет не отправила...

После выписки бабушка забрала Сашу к себе. Мать скандалила, ругалась. Бабушка, чтобы ее утихомирить, давала ей деньги, и та уходила.

Саша и сама домой не рвалась. У бабушки, с какой стороны ни посмотри, жить было лучше: и сытно, и комфортно, и

никаких нервотрепок. И до школы близко. И Димка, опять же, живет рядом. Словом, одни плюсы.

К тому же, Саша могла теперь за бабушкой приглядывать. Та сильно сдала в последнее время. Но упрямо отказывалась показаться врачу. А зря.

Это было начало июня, первая неделя летних каникул. Саша проснулась ближе к обеду, потому что полночи общались в сети с Димкой. Он уехал на соревнования, и она страшно скучала.

Бабушка обычно встала рано. И первым делом готовила для Саши завтрак. Но в то утро на кухне было пусто. И во всей квартире стояла какая-то пугающая тишина. Она бросилась в комнату бабушки. Та лежала в кровати, прижав руку к груди, и, запрокинув голову, сипела.

Бабушку увезли на скорой. Сказали, обширный инфаркт. Саша с утра и до вечера, как неприкаянная, торчала в холле возле реанимации, но внутрь ее не пускали. Даже одним глазком не давали на бабушку посмотреть.

А его пустили сразу. Еще и заискивали.

Она, едва увидела его, высокого, темноволосого, уверенного, сразу поняла, что это он. Ее отец.

А вот он ее даже не заметил. Прошел стремительно мимо, не глядя по сторонам.

Бабушки не стало через несколько дней. Даже он не смог ее спасти. А Саша так надеялась. Так верила, что он сумеет найти лучших врачей, достать какие надо лекарства, всё, что угодно сделает, но не даст ей умереть...

Она слонялась по городу как неприкаянная. Душа рвалась, не давала усидеть на месте, но куда податься, Саша не знала. Вот и бродила бесцельно, задыхаясь от горя.

В бабушкину квартиру пойти не могла. Там был он.

Даже в мыслях она не могла назвать его ни по имени, ни отцом, ни как-то еще. Просто он.

Да и не вмоготу было бы сейчас там находиться, где каждая вещь напоминает о бабушке. Даже не напоминает, а создает ложное ощущение, будто бабушка жива, просто отлучилась куда-то ненадолго и вот-вот вернется. И тем болезненнее затем осознавать, что ее больше нет.

Дома тоже было невыносимо. Точнее – ровно так же, как всегда. Мать пила с соседкой, такой же пропойцей. Гарик рубился в какую-то компьютерную игру. Как будто для них совсем ничего не изменилось. А для нее, для Саши, вся жизнь распалась как карточный домик...

К похоронам мать все же мало-мальски пришла в себя. И то лишь потому, что Саша накануне не дала ей пить. Бук-

важно силой вырвала у нее бутылку и вылила водку в раковину, а ее гостью просто вытолкала за ворота.

Мать рвалась куда-то бежать, но Саша предусмотрительно закрыла дверь, а ключ спрятала. Наслушалась, конечно, воплей, но зато утром та более-менее протрезвела. И даже соображала, что они едут прощаться с бабушкой. И там наверняка будет он. По этому поводу она откопала черное платье с люрексом, худо-бедно причесалась и накрасила губы.

Саша уговаривала и Гарика поехать с ними – боялась, что в одиночку не управится с матерью. Там же наверняка будут наливаться. И тогда пиши пропало. Но Гарик не захотел.

– Да ну нафиг. Не хочу. Это твоя бабка, а мне она никто, – равнодушно бросил он, не отрываясь от игры.

– Она не бабка, – разозлилась Саша.

Ее и прежде раздражало, что ее бабушку, такую интеллигентную, хрупкую и очень добрую, брат называет этим словом. А сейчас просто стерпеть не могла.

– А кто? Дедка, что ли? – хохотнул он.

– Придурок, – процедила она и ушла, хлопнув дверью.

Бабушку отпевали в церкви, там же и прощались. Оттуда поехали на кладбище.

Тетка из ритуального агентства, которую нанял Апронович, свое дело знала и бойко руководила процессом, указывая, кому что делать, но Сашу она раздражала. Впрочем, ее все тут бесили. Старушки, тетки, дядьки, которых она

прежде никогда не видела.

Наверное, только он не вызывал раздражения. Не вообще, а именно сейчас. Временно. Потому что, кроме Саши, он был здесь единственный, кто горевал.

Она видела, что он держался. Стоял с каменным лицом, надменный и отстраненный. Но когда подошел к гробу, когда бережно и даже как-то ласково коснулся бабушки, это горе неожиданно вырвалось наружу. Черты болезненно исказились, глаза мокро заблестели.

Он потом сразу же отошел в сторону и долго стоял ко всем спиной. Саше, казалось, что плакал. Хотя кто его знает. Может, просто не хотел никого видеть.

Саша за ним так уж пристально не следила. Хоть почему-то тянуло на него посмотреть. Но надо было приглядывать за матерью – та и без того уже пару раз помянула бабушку и опять тянулась к рюмочкам, рядами выставленным на столике.

Там она ее перехватила. Но позже, в ресторане, где проходили поминки, мать уже отвела душу. И останавливать ее было бесполезно.

Еле высидев час или полтора, Саша захотела выйти на воздух и в холле ресторана неожиданно столкнулась с ним. Лицом к лицу.

Она думала, что он опять ее не заметит. За весь этот тягостный день он ни разу не взглянул на нее. Саша была уверена, что он и понятия не имеет, кто она такая.

Но Апронович неожиданно ее остановил. Вперился в нее немигающим черным взглядом. Что на уме – неизвестно. Лицо совершенно нечитаемое. И красивое. Наверное, Саша могла бы даже понять, отчего ее мать так по нему с ума сходила. А вот его представить рядом с матерью, даже скинув ей полтора десятка лет, было совершенно невозможно.

– Здравствуй, – произнес он. – Как ты?

Это был, конечно, шок. Только поэтому она промолчала и просто прошла мимо. Позже подумала: жаль, что не послала к черту.

Выйдя на улицу, Саша немного постояла на крыльце, подумала о матери с тоской, но решила назад не возвращаться. Надоело быть нянькой. А сегодня – так вообще сил никаких нет. Кто бы о ней самой сейчас позаботился...

Саша в одиночестве сидела во дворе бабушкиного дома, равнодушно наблюдая, как мальчишки играют в баскетбол на спортивной площадке. Вскоре стемнело, двор опустел, а она так и продолжала сидеть на месте, не понимая, что ей делать. Странно и горько было видеть темные бабушкины окна, еще так живо помня, как они приветливо всегда светились.

Вскоре у подъезда остановилось такси. В свете фонаря Саша видела, как вышел он, как, ступая уверенно и вальяжно, зашел в подъезд. Через минуту в большой комнате зажегся свет. И это было еще непривычнее и больнее – понимать, что родной дом теперь стал чужим.

А затем пикинул новым оповещением телефон. Саша скосила глаза на экран: абонент снова в сети. Это она полдня названивала Димке, ждала его с соревнований. Но автоответчик все время отвечал, что он недоступен. Наверное, был как раз в дороге.

Спустя минуту Димка ей позвонил.

– Санька, привет! Ты как?

– Бывало и лучше, – с тоской вздохнула Саша. – Ты приехал?

– Ага, дома сейчас. А ты где?

– А я... нигде. Сажу во дворе, возле дома бабушки.

– Э-э, а зачем?

– Не знаю, куда пойти...

– Так давай ко мне!

– А твоя мама не будет против? – замешкалась Саша. –

Поздно ведь уже.

– Мать вообще сегодня на даче. Всё, давай, жду.

Через десять минут Саша была уже у Димки. Встретил он ее неожиданно полуголым – в одних спортивных шортах – и заспанным. На щеке еще остались вмятины от подушки.

– Ты спал? А когда ты приехал?

– Да где-то в обед.

Неприятно царапнуло то, что Димка уже несколько часов как в городе, а объявился только сейчас. Знает ведь, что у нее горе.

– А почему сразу не позвонил?

– Прости, Сань, приехал вообще никакой. Всю дорогу не спал. Телефон разрядился, поставил на зарядку. Думал, немножко покемарю, а что-то срубило конкретно. Ну что, как ты?

Димка нежно ее обнял. Как ей этого не хватало эти дни. Саша уткнулась носом в ложбинку на шее. Уловила такой знакомый запах.

– Плохо... – призналась она. – Мне без нее так плохо.

– Это пройдет, – утешал ее Димка, поглаживая по спине.

– Мне тебя очень жалко. Бабушка у тебя была супер. Но ты, Сань, держись...

Она кивнула.

– А этот крендель, твой папаша, был?

– Ну, конечно. Он сейчас дома у бабушки. Так непривычно, что он там.

– Блин, стремно... Но он, наверное, скоро уедет. Сможешь там жить.

– Нет, я бы не смогла... К тому же он продает эту квартиру. Мне вчера тетка из агентства недвижимости звонила. Сказала, типа, если есть там мои вещи, то надо забрать.

– Э-э, а разве тебе ничего не полагается?

– Нет. Бабушка завещание не составляла. Да и официально я им никто. Он же меня не признал. Меня этот... мамин второй удочерил.

– Блин, стремно... – повторил Димка. – Ну ниче, ниче, все как-нибудь наладится. Я с тобой.

Саша благодарно коснулась губами его кожи, а потом вдруг почувствовала, как Димкины твердые ладони, поглаживающие ее спину, потихоньку спустились ниже, легли на ягодицы и притянули к себе уже совсем не двусмысленно. Она резко его оттолкнула.

– Дим, ты что? С ума сошел?

Димка покраснел.

– Саш, я просто соскучился.

– Ты вообще понимаешь, что у меня горе? – негодовала

она.

– Ну так я думал, ты отвлечешься... И ничего такого я не хотел, а так... как обычно... Не виделись же столько дней. Ну, ладно, извини. Ну, извини, больше не буду...

– Я лучше пойду, – засобиравлась Саша.

– Ну куда ты сейчас пойдешь на ночь глядя? Да перестань ты. Никуда я тебя не отпущу. И трогать тебя не буду, – вдруг разозлился он.

Бороться с Димкой не было никаких сил. Саша осталась. Димка постелил ей у себя, а сам ушел в другую комнату, прихватив ноутбук. Вроде как, чтобы не мешать, но Саше казалось, что он обиделся. Но идти выяснять отношения и мириться не хотелось.

Димка и так в последнее время словно помешался на этом деле. Не то чтобы он пугал ее своими приставаниями, нет. Он и руки-то обычно не распускал. Но постоянно заводил об этом разговоры. Рассказывал то про одного приятеля, который всю спит со своей подругой, то про другого, которому его девушка делает минет. Саша над ним подтрунивала:

– Ты удочки, что ли, закидываешь?

– Да почему сразу удочки? – возмущался Димка. – Просто говорю, типа, прикинь, да?

– И зачем мне это знать? Не плевать ли, кто с кем спит? А минет так вообще фу-у-у.

– Чё сразу фу-то? – и начинал доказывать, что это круто, классно и все нормальные люди так делают.

Но пока Димка уломал ее лишь на то, чтобы она посмотрела, как у него там. Однако сегодня он не должен был вообще в эту сторону думать, мысленно возмущалась она.

Но на другой день Димка извинился, признал ошибку и вел себя идеально. Они съездили на водохранилище, накупались вдоволь, а вечером опять вернулись к нему.

Домой Саша попала только на следующий день ближе к вечеру.

Не успела разуться, как мать огорошила ее неожиданным заявлением:

– Сашка, готовься, поедешь к отцу.

– В смысле? – не поняла она.

– Папаша твой решил забрать тебя к себе в Иркутск. Явился тут вчера такой важный, ну и сказал, что ты будешь жить теперь с ним.

– Это что, шутка?

Мать воззрилась на нее осоловелыми глазами.

– Что значит – будешь жить с ним? А меня спросить забыли?

– Вот станешь взрослой, будешь сама на жизнь зарабатывать, тогда тебя и будут спрашивать.

– Ты-то, смотрю, много сама зарабатываешь, – огрызнулась Саша. – Никуда я с ним не поеду.

– Не будь душой. Сказала – поедешь.

– Это мы еще посмотрим. И вообще, с какой стати? По закону он мне никто, сама говорила

– А мы с ним сегодня утром съездили в загс и все оформили как надо. Это ж Апронович! – хохотнула мать. – Быстренько все устроил.

– Да плевать мне, что вы там оформили. Я никуда не поеду, ясно?

– Поедешь-поедешь, как миленькая.

– И кто ж меня заставит? – с вызовом спросила Саша.

– Я! – воскликнула мать. – Я устала кормить тебя одна. Волочить вас обоих на себе.

Они препирались и скандалили еще час, не меньше. Потом терпение лопнуло, и Саша, наспех переодевшись, ушла из дома. Решила, что вообще не вернется, пока этот папаша не свалит обратно в свой Иркутск. Непонятно только – зачем ему вообще это надо?

Саша снова поехала к Димке. Но дома его не оказалось. И на звонки он тоже почему-то не отвечал. Правда, потом перезвонил сам. Сказал, что поехал на дачу помогать матери.

Помыкавшись, Саша поплелась назад, домой. Пошла пешком – так не хотелось ей возвращаться.

Она уже почти добралась, когда в кармане тренькнул телефон. Саша взглянула на экран и немало удивилась. Сообщение пришло от Яны Иващук, с которой они не общались с того злополучного дня рождения.

Яна послала ей коротенькое видео.

– Приветик, – поздоровалась она, пытаясь перекрычать

громкую музыку. За ее спиной мелькали чужие лица. – Мы тут, короче, с Вкусиком на вписке. Угадай с трех раз, кого мы тут встретили?

– Она не угадает, – донесся Викин смех.

– Тогда мы не скажем, а покажем. Та-дам! – провозгласила Яна и перевела камеру в другой угол, где на диване сидели парни, а среди них и ее Димка. Но самое страшное другое – у него на коленях примостилась какая-то незнакомая девочка. Одной рукой она обнимала Димку за шею, и тот явно не возражал. Да что уж, сидел он вполне довольный.

– Ой, а кто это у нас тут? – комментировала Иващук, увеличивая зум и приближая Димку. – Никак Димочка Купцов? А кого это он посадил себе на колени?

Бывшие подружки громко захохотали.

– Пока, чучело! – бросили напоследок, и видео закончилось.

Руки дрожали так, что выпал телефон. Но Саша не двигалась. Несколько минут она стояла посреди дороги, словно ее парализовало. В груди вспыхнула боль, точно там разверзлась и пульсировала огромная кровоточащая рана. Даже вдохнуть было невыносимо.

С соседней улицы выбежала стая собак. Обнюхали ее всю, порычали и потрусили дальше. Саша без памяти боялась таких вот бродячих собак – ее когда-то покусал бездомный пёс. Но сейчас она едва их заметила.

Постепенно оцепенение прошло. Наоборот, стало трясти.

Наверное, это рыдания рвались наружу.

Кое-как совладав с собой, Саша подняла телефон и побежала домой.

Мать снова стала наседать:

– Ты поедешь с отцом, поняла? Я уже замучилась волочить вас двоих одна...

– Да замолкни ты уже! – прикрикнула на нее Саша, больше не в силах сдерживать слезы. – Уеду я, уеду, не беспокойся. Хоть завтра с ним уеду!

До последнего Саше не верилось, что она действительно делает это – уезжает неизвестно куда и, практически, неизвестно с кем. Собирала сумку и, глотая слезы, думала про Димку.

Как он мог так поступить? Так глупо и жестоко предать ее и их любовь? Так бездарно растоптать всё хорошее, что между ними было?

Он звонил на следующий день, но Саша или сбрасывала его звонки, или просто не отвечала. А сообщения его даже не открывала. Они так и висели непрочитанными.

Поздно вечером Димка приехал сам. На чьем-то скутере. Видеть его Саше не хотелось, но она все же вышла на улицу. Знала, что просто так он не уйдет.

– Привет, Сань, – улыбнулся Димка как ни в чем не бывало. – Ты чего трубку не берешь? На сообщения не отвечаешь... Я забеспокоился. С тобой все нормально?

Не зря она не хотела выходить. Один взгляд на него, и ноющая боль в груди опять взревела, впиалась когтями, раздирая внутренности.

– Просто замечательно, – процедила она через силу.

Димка нахмурился.

– Да что случилось-то? Хорошо же все было. Думал, прокатимся. Вот, одолжил у соседского пацана, – Димка чуть

отклонился, показывая на руль скутера.

– Это он тебе одолжил, – на автомате зачем-то поправила Саша.

– А? – не понял Димка.

Но повторять она не стала. Вместо этого спросила:

– Ну как, помог вчера маме на даче?

Сначала вообще не хотела выяснять отношения, какие-то упрёки ему высказывать. Но не удержалась.

– Ну да, – глаза у Димки сразу забегали. Ему стало неловко. Видимо, в лицо врать не так легко, как по телефону.

– Может, расскажешь поподробнее, как помогал ей?

Саша смотрела на него исподлобья. Очень красноречиво смотрела, так что он беспокойно заерзал на скутере.

– Сань... – тут Димка вообще отвернулся и говорил теперь, глядя куда-то в сторону. – Я это... блин... короче, я соврал тебе вчера. Я не был на даче. То есть был, но не на нашей. Я ездил к пацану одному на днюху. Ну и мне неудобно было сказать тебе правду. Ну, типа, у тебя же горе, а я там развлекаюсь как бы...

– Надеюсь, ты хорошо развлекся, – сухо произнесла Саша.

– Ну, прости...

– Ладно, Купцов, мне пора собираться в дорогу.

– Даже так? Мы теперь по фамилии? Э, а в какую дорогу?

– Я уезжаю.

– Куда?

– В Иркутск. С отцом.

– Как? Когда? Зачем?

– Завтра утром. Буду теперь жить там.

– В смысле – жить? – хлопал растерянно глазами Димка.

– Ты что, насовсем, что ли?

– Да.

– Постой, как же так? Мы же с тобой... И ты мне это вот так сообщаем? А если бы я не приехал, то и не узнал бы? Нет, серьезно! А как же я?

– Дим, я думаю, что тебя есть кому утешить, – с горечью произнесла Саша, и горло болезненно сжалось.

– Ты про что? Или про кого?

– Про девочку, которая вчера сидела у тебя на коленях, – все-таки высказала Саша. Глаза резко защипало от выступивших слез.

Димка этого никак не ожидал. Лицо сразу стало как у ворышки, внезапно пойманного с поличным.

– Ты... что-то не то... – залепетал он, густо краснея. – Я не понимаю, о чем ты.

– Всё ты прекрасно понимаешь. Мои бывшие подружки тоже были там. Сняли тебя на видео и мне показали. Ладно, мне и правда пора.

Саша развернулась и пошла к дому.

– Сань, стой! Да подожди ты! Это совсем не то, что ты подумала! Да блин, у нас с ней ничего не было...

Он еще что-то кричал ей вслед, но Саша уже не слышала. Закрывшись в своей комнатке, она начала порывисто, с

удвоенной скоростью собирать вещи, а потом вдруг остановилась, тихонько сползла на корточки и глухо завывала.

На следующее утро Апронович заехал за ней на такси. В дом заходить не стал. И из машины не вышел. С багажом помогал ей водитель. А он сидел, уткнувшись в планшет, и едва поздоровался с ней, когда она села рядом с ним на заднее сиденье. Даже не взглянул.

Пока ехали в аэропорт, она опять плакала. Смотрела в окно на проплывающие мимо такие родные дома и улицы, и не могла сдержать слез. Казалось, что ее, как деревце, вырывают с корнем.

За всё время – и в такси, и в аэропорту, и пока летели в самолете – он не сказал ей ни слова. Саше казалось, что он вообще про нее забыл и, если она отстанет или потеряется, то он даже не заметит. И зачем тогда он всё это затеял?

В Иркутском аэропорту их встречал отцовский водитель на безумно дорогом автомобиле. Выскочив, чтобы открыть хозяину дверь, он с недоумением воззрился на Сашу. Апронович, усаживаясь, небрежно бросил:

– Это моя дочь. Александра.

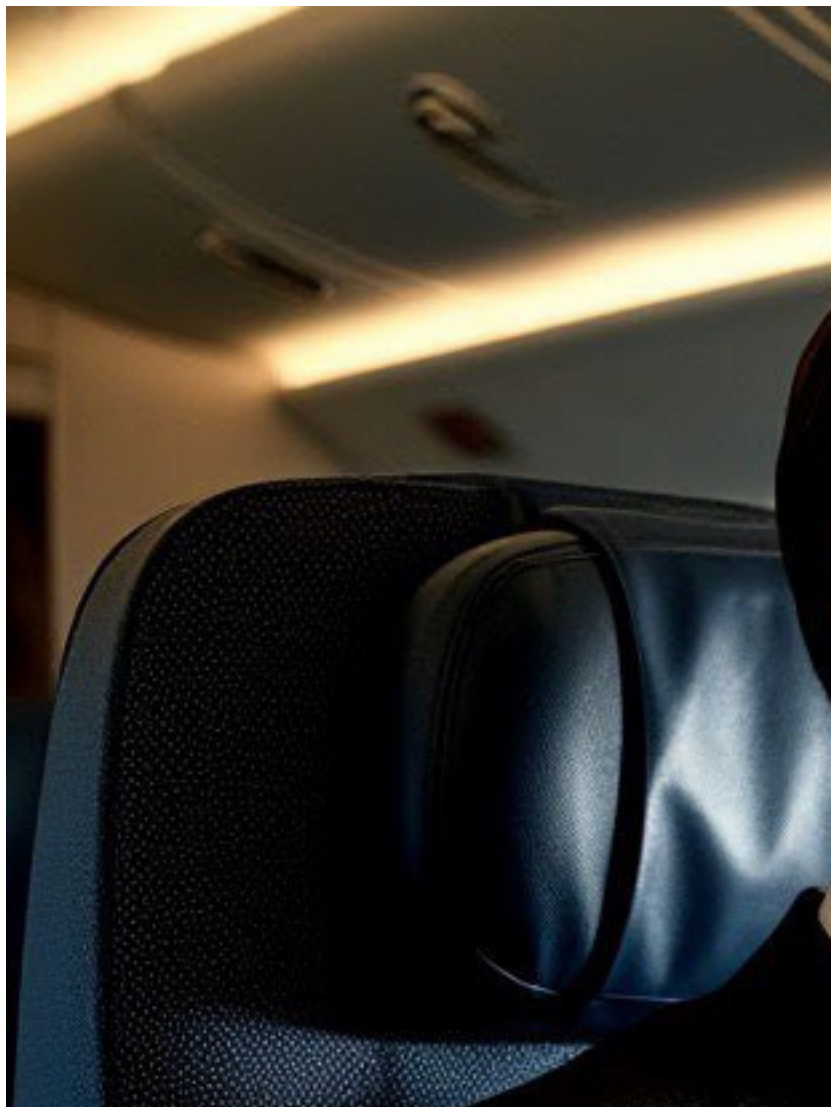
– Здравствуйте, – кивнул растерянный водитель, затем открыл ей дверцу с другой стороны.

Ехали они долго, часа полтора. И опять в полном молчании. На этот раз Саша не выдержала и, повернувшись к Апроновичу, все-таки задала так терзавший ее вопрос:

– Зачем вы это сделали? Зачем вы меня забрали? Я же вам не нужна.

Он, не отрываясь от своего планшета, равнодушно произнес:

– Мать попросила. Я пообещал.

Наше время. За два месяца до свадьбы

Закат был хорош. Уходящее солнце окрасило небо лиловыми и розовыми мазками. И весь город укутало золотистой дымкой. Красиво.

Апронович, наверное, впервые по-настоящему увидел, какой дивный вид открывался из окна его кабинета на последнем этаже высотного бизнес-центра. Его последней «игрушки».

Два с половиной года назад в голову вдруг ударило, что ему нужен именно такой офис – претенциозный, статусный, но современный, а не та обветшавшая роскошь старинного купеческого особняка в центре города, как было до этого.

Хотелось много света, простора и воздуха. Хотелось парить над городом.

Задействовав связи, за бесценок он выкупил у города полуразрушенный недострой вместе с прилегающим участком. Место было удачное – оживленное, проезжее, хоть и не самый центр. Апронович даже удивлялся тогда, почему на эту землю до сих пор не нашлось желающих.

А полгода назад мечта наконец осуществилась.

У него появилась «Черная стрела» – так с его подачи называли этот небоскреб из тонированного стекла и метал-

ла. Верхние два этажа выступали над остальным зданием, а заканчивалось строение конусообразным куполом и шпилем, пронзающим небо. Отчего здание и правда напоминало стрелу.

Компания Апроновича занимала только верхние три этажа. Остальные помещения сдавались в аренду.

На последнем располагались его владения: кабинет, личная комната отдыха, гардеробная, тренажерный зал и бассейн.

Этажом ниже сидели его заместители: руководители департаментов, служб и направлений; приемная и два конференц-зала, поменьше – для планерок и собраний; и побольше – для масштабных мероприятий.

Еще ниже – трудилась армия менеджеров.

Всего полгода назад Апронович чувствовал себя здесь Богом, а сейчас...

Идиот, самоуверенный глупец, прошептал он.

Сердце тоскливо сжалось. Сколько всего он не успел увидеть. А сколько не сделал! Хотя, вроде как, такие дела проворачивал. А теперь возникло ощущение, что как раз самое важное он и упустил.

«Пора тебе уже подумать о душе», – вспомнил вдруг Апронович собственные слова, сказанные год назад старому партнеру. Во всех смыслах старому. Но тот живет себе и здравствует и на тот свет не собирается. А Апроновичу осталось, дай бог, четыре-пять месяцев.

Про свой диагноз Игорь Романович узнал этой весной. Случайно. Получил удар по голове в гольф-клубе, испугался сотрясения, а оказалось...

Тогда он не поверил. Ему ведь всего тридцать шесть! Он в прекрасной физической форме и сторонник ЗОЖ. Последний раз болел, наверное, только в детстве какой-нибудь простудой.

А еще он – умен, талантлив и удачлив. Невероятно удачлив. У него получалось всё, за что бы ни брался. Мог договориться с кем угодно о чем угодно и из всего мог извлечь максимум выгоды. Практически он умел делать деньги из воздуха.

Сколько раз его пытались задавить – только зубы пообломали.

И вдруг это...

Нет, такое могло случиться с любым, но не с ним.

Апронович обратился к другому врачу. С именем. Прошел повторное обследование. Но диагноз подтвердился.

Не диагноз, а приговор.

Поначалу Игорь Романович боролся. Не в его натуре смиренно принимать такие «сюрпризы». Связывался с лучшими клиниками Германии, Испании, Израиля. Ездил туда сам. Снова обследовался. Только время зря потерял...

Лучше бы съездил куда-нибудь с Сашей. Показал бы ей мир и хоть немного попытался бы узнать свою дочь. А заодно подготовил бы всё получше.

Апронович не мог сказать, любил ли он ее, он вообще не понимал, что такое любовь. Он привык мыслить совсем другими категориями. Однако он боялся за девчонку. Причем так, как за себя никогда не боялся. До панического озноба по ночам.

Боялся, что ее попросту разорвут те, кто так долго и тщетно пытался задавить его самого. Оберут ее и пустят по миру, как только его не станет. А то и что похуже. Вариантов масса, как устранить человека. И некому будет ее защитить.

Она ведь совсем не приспособленная, ничего не знает, ничего толком не умеет. Жизненных навыков – ноль. И от него не переняла ничего. Ну, кроме внешних черт.

Но тут, конечно, его вина. Слишком поздно он вспомнил про дочь...

Сашу Игорь Романович забрал у её матери всего три года назад.

До этого времени он и не вспоминал о её существовании. Его бухгалтерия исправно перечисляла на банковский счет Калининой Анны Сергеевны небольшую ежемесячную сумму на содержание Саши. И на этом Апронович считал свой отцовский долг выполненным сполна.

Впрочем, отцом он себя никогда не чувствовал.

Ну, какой он отец? В его насыщенной, стремительной и яркой жизни просто не было место для каких-то там детей. И женщин своих, с кем складывались более-менее продолжительные отношения, он предупреждал сразу, что никаких детей ему не нужно категорически.

Саша тоже была ему не нужна. Он и не думал о ней, как о дочери. Она – всего лишь ошибка юности.

С Сашиной матерью, Аней Шишкиной, Игорь учился в параллельных классах. Она ему и не нравилась никогда. Он едва ее замечал. А вот Шишкина вздыхала по нему не один год. Караулила у подъезда, подбрасывала в почтовый ящик записки, бродила под окнами и в школе постоянно провожала его долгим тоскующим взглядом.

Пацаны смеялись: «Твоя фанатка». А Игорю было плевать – что есть она, что ее нет, никакой разницы.

В одиннадцатом классе к ним пришла новенькая – Алла Быстрова. Яркая и красивая. Многим она вскружила голову, за ней бегали, за неё дрались. И только Игорь оставался в стороне. Нет, Алла ему, конечно, нравилась. Он же не слепой. Но нравилась отстраненно, как, допустим, картина, на которую приятно смотреть, а сходить с ума, волочиться, устраивать разборки – это не про него.

Однако Алла из всех выбрала именно Игоря. Подошла к нему после уроков и попросила проводить домой. Они стали встречаться. И это, на памяти Апроновича, были сами длительные и, наверное, самые серьезные его отношения. Учителя на них заглядывались: «Какая красивая пара!».

А на выпускном они крупно поссорились. Алла тогда решила позлить Игоря. Стала танцевать с другим пареньком и весь остаток вечера держала его возле себя как на привязи.

Игорь выпил, психанул и «отомстил». Пригласил на медленный танец Шишкину, которая, как тень, все время находилась где-то рядом, пожирая его глазами больной собаки. Аллу это не задело, или же она не подала виду. Только скривилась презрительно, глядя на Шишкину. Даже обронила иронично: «Никого получше не нашел?».

Встречать рассвет с классом Игорь не захотел, настроение было дурное. Отправился домой, а Анька Шишкина увязалась следом. От нечего делать он и проводил ее до подъезда.

Аня жила вдвоем с матерью, и той не было дома.

«Хочешь, зайдём ко мне? Мама на работе сегодня в ночь»,
— предложила Шишкина.

Да он даже не хотел подниматься к ней в квартиру. Смысл? Аллочки здесь уже не было, не перед кем спектакли разыгрывать.

Он отказался. А потом вдруг хлынул дождь, внезапный и такой сильный, что Апронович сразу вымок. Шишкина тоже.

Уже в их квартире, тесной и бедненькой, он увидел, что ее мокрое белое платье стало полупрозрачным и соблазнительно облепило тело. А под платьем так призывно темнели и торчали ее соски, что кровь моментально ударила в пах.

Он был у нее первым. Впрочем, для Игоря это ровным счетом ничего не значило. Сняв напряжение, он почти сразу ушёл. И о произошедшем не то что не жалел, а вообще не думал.

Школа закончилась, и Шишкину после того вечера он встречал четыре раза за всё лето. Спустя пару дней – на пляже, где он загорал вместе с Аллой (они помирились). Потом как-то столкнулись в магазине, он с ней поздоровался кивком и, не останавливаясь, прошел мимо. И еще раз – в маршрутке. Там, слава богу, они ехали в разных концах, и он просто отвернулся к окну.

А в четвертый раз они встретились в конце августа, перед самым его отъездом в Иркутск. Аня пришла к нему сама.

Заводить ее к себе домой он не стал, взял сигареты и за-

жигалку из кармана джинсовки, висевшей в прихожей, и вышел в подъезд.

Пока Аня, заикаясь и теребя от волнения подол платья, говорила ему про то, что беременна, Игорь молча курил, равнодушно глядя в мутное подъездное окно. Ни слова не сказал, пока не докурил. Потом притушил в банке окурок и посмотрел на Шишкину с тем же выражением, с каким только что смотрел в засиженное мухами окно.

– И что ты от меня хочешь?

Она растерянно моргала. Потом пролепетала:

– Игорь, это твой ребенок...

– Какой мой ребенок, Шишкина? Что за бред? Подумаешь, переспали один раз. И что с того? Я тебе разве что-то обещал? Нет. Чего ты теперь от меня ждешь? Что я женюсь на тебе, что ли? – издал он смешок, словно сама эта идея казалась ему до абсурда нелепой.

Она испуганно замотала головой.

– Нет, я... – Опустила низко голову и закусила нижнюю губу. Старалась не заплакать, но заплакала. Однако у Игоря ее слезы вызвали не жалость, а раздражение.

– Тогда чего ты пришла?

– Игорь, что мне делать?

– Что хочешь, то и делай. Или тебе нужны деньги?

– Нет... нет... – покачала она головой.

– Ну и что тогда тебе от меня надо?

– Я не знаю, как маме сказать... – всхлипнула она, не под-

нимая глаз.

– А я тут при чем?

Если сначала она еще худо-бедно держалась, то тут вдруг горько расплакалась. Игорь поморщился.

– Ладно, Шишкина, некогда мне, давай, пока.

Он поднялся к себе и захлопнул дверь.

Через два дня Апронович уехал в Иркутск, где следующие пять лет учился в экономической академии. Уже тогда он начал мутить свои первые схемы. Организовал что-то вроде агентства, куда набрал отличников, тех, что победнее, готовых за небольшую плату писать курсовые и дипломные. Сам собирал заказы, занимался продвижением услуг и финансовыми вопросами.

Очень быстро агентство стало шириться. Появились «филиалы» в других вузах. Заказы шли сплошным потоком. Деньги тоже. Ему доверяли, потому что главным его правилом было никогда никого не кидать.

На третьем курсе Игорь купил себе свой первый автомобиль. А на пятом – собственную однушку. Правда, к тому времени он уже всюду раскручивал параллельно еще одну идею, из чего в итоге он и построил свою империю.

В родной Братск не приезжал, хотя мать постоянно звала. Но как тут дела оставить? Бизнес шел в гору, надо было быстро действовать. Упустишь момент – другие подхватят и останешься ни с чем.

От матери он знал, что эта дура Шишкина приходила и к ней. Дочку приносила, давила на жалость. Хотя тогда она уже была не Шишкиной, а Калининой. Почти сразу после его

отъезда в Иркутск, Анька вышла замуж за одноклассника, Пашку Калинина. И даже родила ему сына вскоре. Но у них не сложилось, и они развелись.

Мать, добрая душа, помогала им, конечно. И ему, Игорю, потихоньку капала на мозги: то рассказывала, как ходила к внучке на утренник, то сетовала, что девочке нужно новое пальтишко или сапожки, то заявляла, что она – вылитый Игорь.

Апронович ее рассказы пропускал мимо ушей, но стал регулярно слать Аньке переводы. Точнее, поручил это дело бухгалтерии.

И всё хотел перевезти мать к себе, но та ни в какую. Наверняка из-за девчонки.

А три года назад мать внезапно слегла. С обширным инфарктом. Тогда он примчался сразу, как узнал. Сокрушался, что не настоял, когда хотел забрать к себе.

Надеялся увезти ее в какой-нибудь продвинутый кардио-центр, в столицу или вообще в Европу. Но сразу было нельзя, а еще через несколько дней она умерла в реанимации. Практически у него на глазах. А накануне попросила:

– Игоречек, если не выкарабкаюсь, забери к себе Сашеньку. Прошу тебя, сынок. Аня совсем плоха стала.

– В каком смысле плоха?

– Запивается она, а потом чудит. Этой зимой чуть не убила и себя, и Сашу. Затопила печь и не открыла заслонку. Хорошо, что Гарик, ее сын, где-то гулял и вернулся среди ночи.

Нашел их уже без сознания. Обе угорели, но хоть откачать успели. Но если бы не он... подумать страшно...

– Какая печь? Какая заслонка? Она же в обычной квартире живет.

– Квартиру у них отобрали. За коммунальные долги. И мне, главное, эта дурёха ничего не сказала. Я бы хоть оплатила. Но нет, молчала, пока через суд не забрали квартиру. Она у нее не приватизированная была. Переселили их в частный дом на отшибе города. Одно название что дом. Хибара полуразрушенная.

– Откуда у нее долги? Ей же каждый месяц переводы отправляют.

– Правда? А мне она сказала, что ты давным-давно ничего не шлешь Саше.

– Всё ей шлют, я же проверяю.

– Ну, значит, она всё пропивает. Она же пьет по-черному. И совсем дурная становится. Я не могу ее судить, жизнь у нее тяжелая, не выдержала она, сломалась. Но Саше с ней опасно. После того случая я ее к себе забрала. Саша сейчас со мной живет. Но, если вдруг меня не станет, боюсь, пропадет девочка. Игорёчек, она же дочь твоя родная, наша кровь... Неважно, хотел ты её или нет, она есть. Не дай ей пропасть! Да и что она здесь видит? А там, может, образование хорошее получит, работу найдет с твоей помощью. Глядишь, в люди выбьется.

Апронович обещал матери, что позаботится о Саше. А

как было не пообещать?

К ночи матери стало хуже, а под утро она угасла.

На похоронах Игорь впервые и увидел свою дочь. Нескладную девочку-подростка со взглядом волчонка. Тогда он особо ее не разглядывал, не до того было. Неожиданно остро переживал уход матери, даже вдруг пустил слезу. Отвернулся, чтобы никто не видел.

Потом уже в ресторане на поминках рассмотрел девочку получше. Худенькая, с иссиня-черными короткими и непричесанными волосами, она напоминала тощего, нахохлившегося птенца. Только сурово сжатые губы и мрачный взгляд из-под сведенных к переносице бровей выдавали непростой нрав. С ней пытались заговорить какие-то малознакомые тётки и дальние родственники, но она отмалчивалась.

Апронович не без интереса разглядывал ее со своего места. Непривычно, даже странно было понимать – вот это его дочь. Плоть и кровь. И правда – вся в него. Это хорошо, что не похожа на Шишкину. Было бы не очень приятно. И тут же невесело усмехнулся: не повезло ей с родителями.

Аньку он сначала не замечал. В толпе он ее не выискивал, видел мельком, но даже не понял, что это она. Только когда та напилась и стала голосить на весь зал, а Саша пыталась ее уговорить, догадался. Потом Сашу, видать, достало с ней возиться. Она встала из-за стола и начала протискиваться за

спинами к выходу.

Апронович тоже поднялся, он сидел возле дверей, поэтому вышел в холл первым и подождал ее. Но когда поздоровался и спросил, как дела, Саша ничего не ответила. Не потому, что застеснялась или что-то еще, нет. Не захотела. Уставилась на него немигающим черным взглядом и... прошла мимо. Выскочила на улицу и куда-то умчалась.

Зато, откуда ни возьмись, рядом возникла Шишкина.

– Соболезную тебе, – заплетающимся языком вымолвила она.

Игорь кивнул вместо "спасибо" и вышел на крыльцо покурить, чтобы избежать разговора, но она увязалась следом. Попросила сигаретку. Он молча протянул открытую пачку. Она выудила одну, потом еще две – про запас, сунула их за ухо.

Затянувшись, сообщила:

– Как поживаешь? Видел Сашку? А я сына в твою честь назвала. Игорем... Гариком...

Апронович отвел глаза. Смотреть на нее было неприятно. Не только потому, что он в принципе брезговал опустившихся и пьющих женщин. А еще и потому, что в голову вдруг пришла непрощенная мысль: «И вот с этой особью я когда-то спал. Касался этого тела, может, даже целовал». От отвращения сразу замутило. Подкатила тошнота.

– Что молчишь? Даже сказать мне нечего? Сашка – твоя дочь. Копия тебя. Никаких ДНК не надо! Даже твоя мать ее

признала. А ты... Хотя раз спросил, как она? Я одна ее растила все эти годы! Тянула как могла. Ночами не спала. А ты там как царь... Подачками своими откупаешься, да? Ты – чудовище! Что так смотришь? Презираешь? Брезгуешь? – начала вдруг заводиться она.

Апронович никак на нее не смотрел. Но брезговал, да.

– Думаешь, поди, как я до такой жизни докатилась? Ро-жу вон свою холеную воротишь. Так это ты виноват, Игорёк. Это ты мне всю жизнь сломал. Растоптал...

Апронович, не сказав ей ни слова, затушил окурок, бросил в урну и направился к дверям ресторана.

– Сволочь ты и мразь, Апронович! Ненавижу тебя! Чтоб ты сдох в одиночестве! Разорился и сдох! – горланила она ему вслед.

Квартиру матери Игорь сразу выставил на продажу через агентство недвижимости. Жаль было, конечно. Столько детских воспоминаний связано...

Ну а с другой стороны, находиться тут, когда матери больше нет, было тяжело. Да и что ему здесь делать? Вся его жизнь давно в Иркутске.

Цену Апронович заламывать не стал, так что обещали продать быстро.

Всю ночь после похорон он разбирал вещи. Непростое это оказалось дело. Иногда от какой-то мелочи вдруг перехватывало дыхание, а в груди щемило. Приходилось идти на балкон курить и успокаиваться. Хотя прежде он за собой не замечал подобной чувствительности. А сейчас так остро жалел, что мало говорил с матерью. Мало слушал. Мало делал для нее. Ее звонки постоянно были некстати. Зачастую он обещал перезвонить и не перезванивал. Вспоминал уже ночью, досадовал, но тут же убеждал себя: она же понимает, как он занят.

Мать, конечно, понимала и не упрекала его ни в чем. А лучше бы упрекала. Может, сейчас не было бы так погано.

– Прости, мама... – тихо произнёс он и вернулся с балкона в квартиру.

К утру всё памятное Апронович упаковал в коробки, что-

бы забрать с собой. Остальное заберет родственница. Игорь даже не запомнил, как её зовут. Крутилась там рядом с ним какая-то на поминках. Это мать всю родню знала поименно и кто кому кем приходится. Со всеми поддерживала отношения и помогала, чем могла. Он же никого толком не знал и узнавать не рвался.

За окнами уже занялся рассвет, а он даже глаз не сомкнул. Осталось ещё одно дело. Обещание насчет Саши. Только вот как его выполнить – он понятия не имел. Девчонка все-таки не вещь, чтобы ее просто забрать к себе. Захочет ли? Вон даже здороваться не стала.

В добавок надо было договариваться с Шишкиной-Калининой, а ту попробуй еще застань в трезвом состоянии.

Можно было проверить всё официально, через соцслужбы и суд – лишить эту дуру родительских прав и самому оформить опеку. Но это лишняя возня и уйма времени, которого и так в обрез. На это, конечно, есть его юристы, им можно было бы препоручить, но все же хотелось обойтись малой кровью и как можно меньше людей посвящать в это дело.

Впрочем, если по-другому не получится, придется по-плохому, как ни крути.

На долю секунды промелькнуло: может, уехать, забыть и жить как жил. Зачем ему эта головная боль?

Но он сразу же отринул эту мысль. Нет. Не мог он так. Какой бы сволочью и кем там еще, по словам Шишкиной,

он ни был, но отмахнуться от своего обещания не мог. Да и права мать. Что у девчонки за жизнь с этой горе-мамашей?

Как только это теперь устроить?

Однако вышло всё более-менее гладко. Правда, пришлось приехать самому в этот клоповник на отшибе Братска, где теперь они жили.

Мать верно сказала: не дом, а хибара. Кособокая и черная. Даже заходить внутрь не хотелось. Брезговал.

С мыслью «господи, что я здесь вообще делаю?», Апронович все-таки поднялся по скрипучему крыльцу и толкнул дверь.

По сторонам он старался не смотреть и дышал через раз. Потому что воняло в доме омерзительно: чем-то затхлым и скисшим.

Анька спала на продавленном диване, кроме нее никого больше дома не было.

Апронович долго не мог ее разбудить, она ни на что не реагировала. Тогда он плеснул в нее водой из кружки. В первый момент она хлопала глазами, ничего не понимая. Потом со скрипом начала соображать.

– У меня к тебе предложение, – сразу перешел к делу Апронович. – Завтра утром съездим в загс, я подам заявление об установлении отцовства. Если ты не будешь против, всё будет готово по документам в тот же день. Ну и... Саша теперь будет жить у меня.

Сначала Анька ожидаемо приняла его слова в штыки.

– С чего это вдруг? – прищурилась она. – Ты свою дочь знать не желал все эти годы.

– Матери обещал о ней позаботиться, – ответил, как есть.

– Ах, вот оно что, – осклабилась она. – Катись ты отсюда со своим предложением, понял? Заботливый нашелся. Чтобы я такому бездушному чудовищу, как ты, отдала свою дочь? Свою кровиночку? Не будет этого!

Она сложила ему фигу.

– Я ее заберу в любом случае, – безучастно продолжил Апронович. – Либо так, как я уже сказал. И при этом ты продолжишь ежемесячно получать от меня деньги в том же размере. И хотя бы твой сын останется тогда с тобой. Либо отныне не получишь от меня ни копейки. Я установлю отцовство через суд, а затем, так же через суд, лишу тебя родительских прав. Сына твоего... Сколько ему? Тринадцать? Ну так вот его отправят в детдом. А Сашу я увезу.

– Какая же ты мразь, Игорёк! Как тебя, подонка, земля носит! – заголосила Анька.

Апронович, пропуская брань мимо ушей, развернулся к выходу. У порога оглянулся.

– Если выбираешь первый вариант, завтра в десять утра чтобы была возле загса с документами. Трезвая. Если тебя не будет – жди гостей из опеки.

Он ушел, уверенный, что Шишкина наавтра явится как миленькая. Так оно и получилось.

Гораздо сложнее, казалось, будет сладить с самой Сашей.

Апронович понятия не имел, как с ней общаться. Как вообще разговаривать с подростком.

Уезжать Саша отказывалась. Даже слушать ничего не хотела. Хотя он ее и не уговаривал. Предоставил это Шишкиной, посулив денежную благодарность, если та сумеет обуздать и убедить дочь.

Тем же вечером Анька позвонила ему и пожаловалась, что Саша ушла из дома. Куда – неизвестно. Правда той же ночью уже вернулась обратно и неожиданно согласилась уехать с Апроновичем...

– Может, накинешь еще немного? – начала было Анька. – Очень непросто было её...

Апронович, не дослушав, повесил трубку.

С появлением Саши в жизни Апроновича поначалу мало что изменилось. В то лето они и виделись-то не часто. Он закрывал крупную сделку с китайцами и дома бывал редко. Заботу о ней препоручил домработнице, которая должна была звонить ему, если вдруг что.

В сентябре он отдал ее в гимназию. Естественно, самую престижную, куда абы кого не брали. Пришлось, конечно, хорошо раскошелиться, но школа ему понравилась. Всё современное, технологичное, свой корт, свой бассейн, учителя – сплошь с регалиями. Ученики – дети местной элиты. В частности – сын Геннадия Яковчука, главы земельного департамента, с которым Апронович тесно сотрудничал. Да и имена других так или иначе знакомы.

Но Саша не вписалась в местный круг. Друзьями не обзавелась. Зато врагов умудрилась нажить очень быстро. Апроновича даже как-то пригласили на беседу с директрисой по поводу ее поведения и внешнего вида.

Он, конечно, приехал, но разговор вышел коротким. Выслушивать, что его дочь не соответствует высоким стандартам и никто с ней не может сладить, он не стал.

– По учебе есть нарекания? – прервал он директрису на полуслове. – По каким предметам она отстаёт?

– Таких данных у меня нет, – замешкалась та. – Вроде бы,

к ее успеваемости нареканий ни у кого нет. Но она совершенно неуправляема...

– На ту сумму, что я вам перечислил, вы должны найти к ней подход, – поднялся Апронович, показывая, что разговор окончен.

– Да, мы, конечно, ценим вашу щедрость, но... у нее и с одноклассниками сплошные конфликты! – буквально в спину бросила ему директриса.

Апронович уже взялся за ручку двери, на миг задержался и вышел, ничего ей не ответив. Уже дома поднялся к Саше в комнату. Наверное, второй или третий раз за все минувшие месяцы. Она от неожиданности аж вздрогнула, когда он вошел.

– Какие у тебя проблемы в школе? – спросил без экивоков.

Про себя мимоходом отметил, что в комнате порядок, хотя домработница жаловалась, что Саша не пускает ее убирать у себя. Хоть в этом, подумал удовлетворенно, пошла не в свою неряшливую мать.

– Никаких, – буркнула она.

– У меня другая информация. Что у тебя за конфликты с одноклассниками?

Она угрюмо молчала.

– С кем именно?

– Ни с кем, – процедила она.

Апронович несколько секунд ждал, потом пожал плечами,

мол, как знаешь. Смерив ее взглядом, надменно сказал:

– Я тебе даю достаточно денег, чтобы ты могла сходить к хорошему парикмахеру, стилисту, кому там еще. Чтобы купила себе нормальную одежду. Не кажется тебе, что уже пора повзрослеть и привести себя в человеческий вид?

– А мне нравится моя прическа и моя одежда, – с вызовом ответила Саша, вскинув голову. – Это мой стиль.

– Тебе может нравиться что угодно, но на уроки надо ходить как подобает. Ты не в сельской школе, где можно ходить косматой и разукрашенной как чучело. Ты в приличной гимназии учишься. Так что будь добра – соответствуй.

– А я вас об этом не просила.

Апронович на это лишь посмотрел на нее как на дурочку и повторил:

– Повзрослей уже.

Однако с того времени он невольно стал к ней приглядываться, когда, конечно, бывал дома. Расспрашивал у домработницы, как Саша ест, чем занимается. «Плохо ест. Сидит в своей комнате почти безвылазно», – отвечала та.

Поговорил он и с водителем, который возил Сашу в гимназию и обратно. Но тот мало чем помог. Сказал только: да, всегда угрюмая, иногда плакала, но почему – не говорила.

Апронович видел, что с ней творится что-то неладное. И это не давало покоя. Он даже поделился озабоченностью с женщиной, с которой тогда был в отношениях. Но она посоветовала ему не лезть к девочке.

– Это у нее возраст такой. Сколько ей? Почти шестнадцать? Ну вот. Откровенничать она с тобой не станет, даже не жди. Они все в этом возрасте считают, что никто неспособен понять их сложный внутренний мир. Особенно взрослые. Так что, Игорь, не заморачивайся. Это лечится временем.

Но Апронович не любил пускать всё на самотек. Не нравилось ему настроение Саши, пусть даже дело всего лишь в ее сложном внутреннем мире. Когда он снова пытался заговорить с ней, то натыкался на тяжелый взгляд исподлобья и, в лучшем случае, ответ сквозь зубы: «У меня все нормально».

Поэтому он попросил своего айтишника Костю покопаться в Сашиних соцсетях.

Костя сам был немногим старше Саши, Апронович нашел его еще несколько лет назад практически школьником. У того как раз были проблемы с законом, для Апроновича – вполне решаемые, а для парня – катастрофичные. Этот умник взломал шутки ради государственный портал и попался. Ему грозил реальный срок, но Апронович помог выпутаться и взял к себе на работу. Нравились ему талантливые и амбициозные.

Айтишник сначала замялся.

– Игорь Романович, мне, конечно, несложно, но это же как-то не очень этично. Ну, типа, личная переписка должна быть личной. Ваша дочь вас не простит, если узнает.

– Это меня вообще не волнует. Мне надо знать, что с ней всё в порядке. А если не в порядке, то мне тем более нужно это знать.

Уже на следующий день Костя переслал ему переписку Саши как раз с сыном Якобчука. Себя она почему-то называла Черной стрелой. «Дурацкий ник, – подумал тогда Апронович. – Что у нее вообще в голове?».

А потом увидел то, отчего его буквально затопило холодной яростью.

Артем Якобчук, так звали отпрыска главы земельного департамента, где-то раздобыл снимки голой Саши. Она мылась в душе, наверное, в гимназии. А кто-то ее заснял. Этот мелкий паршивец не только всячески оскорбил и высмеял его дочь, но и вздумал ее шантажировать этими фотографиями. Что-то требовал от нее и грозился, если она куда-то не придет, то он сделает из нее «звезду».

– Это же сегодня он ее куда-то зовет?

– Да, – кивнул айтишник. – Что вы ему сделаете?

– Ему? Ничего. Я с малолетками дел не имею.

Апронович поехал к его отцу. Как раз недавно у них состоялась взаимовыгодная сделка. Игорь получил желаемую землю под бизнес-центр. А Якобчук – солидную сумму на личный счет.

Был уже вечер, ехать пришлось прямо к нему домой. Разговор вышел коротким и злым, но, главное, продуктивным.

– В случае чего, я потеряю только эту землю, – подытожил

Апронович. — А ты — всё. Какой у нас срок за взятки, тебе напомнить? А за распространение порнографии?

— Ну и сволочь ты. Я же для тебя старался.

— Ну а теперь постарайся для себя.

Якобчук, багровый от бессильного гнева, пообещал:

— Я с ним разберусь. Больше он твою дочь не тронет.

— Будет лучше для всех, если он перейдет в другую школу.

Зря переживал айтишник Костя, Саша про их вмешательство ничего не узнала. Но вскоре успокоилась — Апронович это заметил. Как будто ее что-то держало в тисках, а потом отпустило. Они даже понемногу стали разговаривать за завтраком. По большей части формально, конечно. В духе: доброе утро, спокойной ночи. Но с ней и это был немалый прогресс. И еще она, наконец перестала обращаться к нему на «вы». Правда, отцом, а уж тем более папой не называла никогда. Впрочем, он этого и не ждал.

В последний год Саша взялась за учебу с неожиданным энтузиазмом. Участвовала в каких-то олимпиадах, приносила грамоты, ее хвалили. Единственное, что плохо — ни с кем она так и не сдружилась. Общалась близко только со своим старым дружком из Братска. Неким Димой Купцовым.

Про него Апронович тоже всё выяснил, спасибо Косте. В их отношения он не лез, хоть Купцов ему и не нравился. Но особого вреда он в нем не видел. Где этот Димка и где Саша. Так что пусть общаются, пока он далеко.

И всё было хорошо, всё было, как надо.

Даже его новое детище – бизнес-центр – сдали немного раньше срока. Назвал он его в честь дочери, тем ее дурацким ником – Черной стрелой. А на Сашин день рождения, который она все три года категорически отказывалась праздновать, Апронович повез ее в гольф-клуб. Хотел провести с ней время. Но не повезло. Получил удар в голову. Ее отправил с водителем домой, а сам поехал в клинику проверить...

Если бы не тот удар мячиком для гольфа, Апронович еще какое-то время не знал бы, что у него в мозгу растет эта штука-ковина, которая, по словам врачей, отправит его на тот свет в ближайшие полгода, плюс-минус. А уже и того меньше...

Про свой диагноз он никому не говорил. Почти никому. Сначала – потому что не мог поверить. Он же себя прекрасно чувствовал. Ну да, возможно, болела иногда голова, а у кого она никогда не болит? И уставал, конечно, но столько работать – кто бы не уставал? Ну а в остальном он в отличной форме. Однако врачи только беспомощно разводили руками и смотрели на него с жалостью.

И даже когда Апронович смирился и перестал осаждать клиники, он хранил ото всех в тайне свою болезнь. Саше знать ни к чему. Хоть он и не думал, что эта новость станет для нее каким-то горем, но видеть еще и в ее глазах жалость – ну уж нет.

Другим и подавно не надо быть в курсе, а то налетят как стервятники. И так налетят, конечно. Раздербанят всё, что он создавал, а Сашу, его единственную наследницу, устранят как помеху. И нет у неё в целом мире никого, кто бы смог ее защитить. Мать – не в счет, от нее самой один вред. Брат? Салага еще. Да и кто из него вырастет – большой вопрос.

Именно тогда его и осенило: он должен выдать ее замуж.

Не за абы кого, а за надежного, умного, ответственного. На кого он мог бы положиться и кому он бы доверял. Однако с этим как раз была проблема. Апронович не доверял никому. Но выбор невелик.

Первым на ум пришел Артур Левицкий. Его помощник. На нём в итоге Апронович и остановился. Хотя знал о Левицком очень мало. Точнее, знал всё, что можно было узнать благодаря айтишнику Косте. Его биография давно хранится в отдельной папочке.

Он из очень состоятельной семьи. Даже, можно сказать, из элиты. Отец его – в прошлом пианист с мировым именем. Сам Артур тоже закончил консерваторию, какое-то время выступал. Не так давно участвовал в престижном музыкальном конкурсе, но случился скандал. Посреди своего конкурсного выступления он вдруг прекратил играть, встал, закрыл крышку рояля и молча покинул сцену. А после этого ушел из музыки. И из семьи. Или же его выгнали достойные родители. Отец Левицкого славился не только своим талантом, но и скверным характером.

Четыре года назад Апронович взял тогда Артура к себе лишь на время и всерьез его вообще не воспринимал. Думал, богатенький избалованный мальчик хочет повыпендриваться перед родителями, а ему срочно нужен был курьер. Уверен был, тот быстро сдуется и сбежит. Но, видимо, знаменитый отец действительно оставил юного Артурчика совсем без денег, потому что тот готов был выполнять любую

работу. Не стонал, не роптал, не жаловался. Хотя Апронович уже из спортивного интереса его не щадил. Гонял в хвост и в гриву. Но тот молча с самым серьезным видом выполнял всё и выполнял, надо сказать, безукоризненно. Никогда не халтурил. И даже будучи мальчиком на побегушках, умудрялся сохранять надменный вид, что никому из сотрудников и в голову не приходило его шпынять или как-то насмешничать над ним.

Постепенно Апронович повысил его до своего личного помощника. Брал его с собой на все важные переговоры, возил в заграничные командировки, где от Левицкого была двойная польза – еще и в качестве переводчика. Артур свободно говорил на английском, французском, немецком, худо-бедно знал китайский.

Да, пожалуй, он единственный, кто пока ни разу его не разочаровал. Игорь вдруг вспомнил, как ему однажды стало плохо. Как раз прошлым летом. Прямо во время встречи с одним из своих партнеров в загородном ресторане. Он тогда решил, что это из-за жары, а ведь, возможно, уже и не только...

Словом, ему вдруг сделалось так дурно, что он поспешил уйти и двигался как во сне, на автомате. Ничего не видел и не слышал, и с трудом соображал. Позже, когда мало-мальски пришел в себя, понял, что где-то оставил дипломат с деньгами. С большими деньгами. Тот его партнер всегда предпочитал только наличный расчет. И впервые не мог вспомнить,

где именно оставил, в какой момент... Просто провал в памяти.

А когда он рассказал об этом Левицкому, тот невозмутимо сообщил, мол, да, действительно оставил в уборной ресторана. Артур тогда заметил, что босс зашел с дипломатом, а вышел без, с трудом добрался до машины, сел и уехал. Тогда Артур сходил, подобрал пропажу и привез Игорю на следующий день в целости и сохранности. А ведь мог бы оставить себе, знал же, что там лежит. Знал, что камер в том ресторане нет – именно поэтому партнер Апроновича всегда и выбирал это место. Нет, Апронович и сам поступил бы точно так же. Но многие, очень многие – не устояли бы.

На его слова благодарности Левицкий, хмурясь, ответил:

– Не хотите врачу показаться?

– Я здоров.

– Но...

– Нет никаких но, – осек он его тогда. – Я благодарен, но это уже тебя не касается. И больше не будем об этом.

Что-что, а держать язык за зубами Артур умел, Апронович в этом не раз убеждался. И вообще был крайне немногословен, ничего про себя не рассказывал. Впрочем, это Апроновичу, наоборот, нравилось. Болтунов он на дух не выносил и никогда не интересовался чужой личной жизнью. А вот теперь бы пригодилось. Ведь он понятия не имел, что у Левицкого на уме, чем он живет, чем дышит. Общий образ его вполне устраивал, но что там, за этим образом?

И всё равно лучшего варианта для Саши он не видел.

В конце рабочего дня Левицкий, как обычно, поднялся к Апроновичу в кабинет с докладом. Игорь его рассеяно выслушал, а затем, после довольно долгой паузы, произнес:

– Присядь, Артур. У меня есть к тебе предложение...

Левицкий присел в кресло, глядя на него внимательно, но без особого любопытства.

– То, что я тебе сейчас скажу, возможно, повергнет тебя в шок.

Апронович впервые с таким трудом подбирал слова.

– Я вас слушаю, Игорь Романович.

– Я хочу, чтобы ты женился на моей дочери.

Левицкий не дрогнул, не пошелохнулся. Продолжал смотреть на него с совершенно нечитаемым выражением. Лишь едва заметно приподнялись темные, красиво очерченные брови. Вот уж действительно эталон невозмутимости. Хотя, конечно ж, он потрясен. Потому как долго он молчит, Апронович видел, что потрясен. Не знает, как реагировать, не знает, что отвечать. Вот и сидит как каменное изваяние. Переваривает.

Апронович и сам был в смятении. Эта идея в голове у него звучала совсем иначе. Более-менее логично и здраво. А вот произнёс вслух и понял, как дико всё это выглядит.

– Зачем? – наконец спросил Левицкий. Спасибо, хоть не взбрыкнул сразу же, не заявил, что босс сошел с ума. А всеми силами старается понять.

Еще утром Игорь думал ничего ему не рассказывать. Предложить должность, деньги, акции... В общем, предло-

жить выгодную сделку. Но сейчас вдруг захотелось поговорить по-человечески. Попросить помощи.

И должность, и деньги, и акции, конечно, будут, но как благодарность, а не как главное условие.

Под немигающим пристальным взглядом Артура выворачивать душу было сложно. Не умел он это делать и никогда не делал. Поэтому Апронович встал из-за стола, отошел к окну и, глядя на простирающийся внизу город, заговорил:

– То, что я сейчас тебе скажу, должно остаться строго между нами. Я знаю, что ты не болтун, но на всякий случай предупреждаю. Никто не должен быть в курсе этого разговора.

– Да, конечно.

– Этой весной у меня обнаружили опухоль. Неоперабельную. Мне дали несколько месяцев.

– Врачи могли ошибиться, – подал голос Артур.

– Могли, но не все сразу. Так что это, к сожалению, не мой случай.

– Неужели ничего нельзя сделать? Должен быть выход.

Игорь горько усмехнулся. У него это уже пройденный этап.

– Последние два месяца я только и делал, что искал выход. Но увы... Впрочем, сейчас не об этом речь. Артур, не знаю, в курсе ты или нет, но у меня есть дочь. Саша. Моя единственная дочь. Она в этом году закончила школу. Ей всего восемнадцать... – голос ни с того ни с сего вдруг дрогнул.

– Она ничего не знает, ничего не умеет. Она совершенно не приспособлена к жизни. А еще у нее никого нет. О ней никому будет позаботиться. Некому будет ее защитить. Я боюсь за нее. У нее тяжелый характер. Она вздорная, строптивая, упрямая как черт. Но очень ранимая. В общем-то, я сам не так уж хорошо ее знаю. Мы с ней не слишком близки. Но я боюсь за нее, – невольно повторил Апронович.

– Вы хотите, чтобы я о ней позаботился, когда... – Левицкий не договорил.

– Да. Именно этого я и хочу. Как только меня не станет, она сразу попадет под удар. И всякая шушера вроде брачных аферистов, для которых она станет заветной целью – это еще полбеды. У меня много врагов, в нашем деле по-другому и быть не может. Да и приятели такие, что могут быстро стать врагами ради выгоды... В общем, Артур, Саша будет очень уязвима со всех сторон. Поэтому я и прошу тебя на ней жениться.

Левицкий молчал.

– Я понимаю, что слишком многое прошу. Понимаю, что у тебя, должно быть, есть своя личная жизнь, в которую брак с незнакомой девушкой никак не вписывается. Но пусть это будет фиктивный брак. Пусть лишь в глазах общества ты будешь ее мужем, а на самом деле... ну, кем-то вроде опекуна. Жить, конечно, вам придется вместе. Где-то появляться вместе. Но лебединой верности никто от тебя не ждет. На счет этого не беспокойся. Со временем, когда всё уляжется,

когда она выучится, повзрослеет, встанет на ноги, вы можете развестись.

– Я должен подумать, – помолчав, ответил Левицкий.

– Может, ты... планировал жениться на какой-то другой девушке? – пришло вдруг на ум Игорю.

– Нет. Жениться не планировал.

Апронович выдохнул.

– А ваша дочь? Она согласна выйти замуж неизвестно за кого?

– Она пока не в курсе. Но выбора у нее не будет. Артур, естественно, я тебя отблагодарю. Как муж моей дочери ты получишь практически половину всего, чем владею я. И управление компанией также вверю тебе.

Наконец Апронович нашел в себе сил обернуться и взглянуть на Левицкого. Тот, наоборот, смотрел теперь куда-то вниз перед собой.

– Что скажешь, Артур?

Левицкий поднял на него глаза, в которых Апронович различил всё ту же чертову жалость и разозлился про себя.

– Я должен подумать, – повторил Артур снова.

– Да, конечно, подумай. Можешь идти.

Левицкий покинул его кабинет. Но на его счет Апронович больше не переживал – уверен был, что он согласится. И не ошибся...

Последние две недели для Саши превратились в моральную пытку. Нет, даже почти три. Удивительно, как она еще в таком состоянии нормально написала тест по физике – слава богу, это был уже последний экзамен. Но на выпускной отказалась идти наотрез. И дело даже не в том, что одноклассники вместе с учителями осточертели ей до невозможности. Хотя и это тоже. Но главное – как она могла веселиться, что-то праздновать, когда пропал Димка?

А Димка действительно пропал. Последний раз они общались по видеосвязи ровно девятнадцать дней назад. Очень хорошо, между прочим, общались. Он был с ней нежен, обещал, что скоро приедет. Его последние слова так и звучали в голове: «Сладких снов, моя девочка! Скоро, совсем скоро мы будем вместе. Навсегда».

И после этого он как в воду канул...

С Димкой Саша помирилась уже давно. Это сначала она думала, что никогда в жизни не простит ему его ложь и предательство. Но со временем обида притупилась. Хотя она все равно долго не шла с ним на контакт. Даже номер телефона сменила, но Купцов разузнал. Точнее, у Гарика выпросил.

Поначалу Саша упрямо сбрасывала его звонки, сообщения игнорировала, а все номера, с которых звонил Димка –

блокировала. Тогда он взял в моду звонить ей с телефона Гарики. Впрочем, Саша, едва поняв, что это не брат, а Димка, сразу сбрасывала.

А потом случилась та мерзкая история в гимназии, в которую засунул ее отец.

Новый класс Сашу не принял. Первая фраза, которой встретили ее одноклассники: «Из какой помойки выползло это чучело?». Над ней глумились, оскорбляли, изводили. Просто так, потехи ради. И всё это втихую, сохраняя перед учителями невинный и благопристойный вид. Как же Саша возненавидела этих холеных девочек и мальчиков с их барскими замашками.

Иногда она срывалась и распускала руки. Кому-то расцарапала лицо, кого-то оттаскала за волосы. И когда доходило до разбирательств, учителя и дирекция неизменно вставляли на сторону класса. Потому что одноклассники выгораживали друг друга, в один голос утверждая, что Калинина врет, никто ее не трогал, она просто дикая. Потому что Саша, наплевав на запреты и дресс-код, ходила «размалеванная и косматая», в черных джинсах и грубых байкерских ботинках. И потому что она уже числилась на учете в ПДН.

Саша знала, что директриса вызывала Апроновича на беседу. Он потом ей такую отповедь прочитал. Но, что странно, после этой беседы учителя перестали к ней так сильно цепляться. Чего не скажешь про одноклассников.

Артем Якобчук – он считался в классе главным заводилой

– зашел в душевую, как раз когда там была Саша. После занятий в бассейне она всегда принимала душ самой последней, чтобы девочки не разглядывали ее и не обсмеивали, как уже бывало раньше. Она только разделась и встала под воду, как вдруг ворвался этот подонок. Распахнул стеклянную дверцу кабинки и принялся ее фотографировать, хохоча и сыпля всякими пошлостями.

Саша тогда пережила жуткий стресс и потом ехала домой вся в слезах. Водитель, которого выделил ей Апронович, поглядывал на нее в зеркало, но даже не спросил, что случилось. Впрочем, в его обязанность входило лишь привозить ее в гимназию и отвозить домой, и ничего больше.

Никому не было до нее дела. Такой одинокой она не чувствовала себя даже там, в Братске, в свои самые худшие дни. Она сидела в пустом огромном доме совершенно одна и рыдала в голос. Никак не могла успокоиться.

Именно в тот момент и позвонил Купцов. В отчаянии Саша ответила на звонок и, плача в трубку, всё ему рассказала.

Димка вскипел.

– Вот сука! Кто это? Дай мне его номер!

– Я не знаю его номер.

– Сашка, не плачь. Я его найду. Я его за тебя порву. Как ты говоришь? Артем Якоб... как там?

– Якобчук.

– У нас скоро соревнования в Иркутске. На следующей неделе. Продержись чуть-чуть. Я приеду и устрою этому коз-

лу такой стриптиз, что он вовек не забудет.

Саша понемногу успокоилась. Они еще долго болтали о том о сем. Димка извинялся за прошлое, говорил, что много думал, что ему стыдно, что он больше так никогда не поступит...

Так они и помирились.

Однако не успела Саша оправиться от пережитого позора, как спустя пару дней Якобчук скинул ей те фотки, из душа. На самых первых она от неожиданности даже прикрыться не успела. И конечно же, сопровождал всё это похабным сообщением:

«Как тебе фотосессия? Нравится? А, по-моему, отстой. Думал хоть передернуть на них разок, но у меня даже не встал, такая ты стремная. Ни сисек, ни жопы. Но кому-то, наверное, и такие нрав. Скоро это узнаем. Хочу теперь запостить везде, где можно, твои нюдсы».

«Только попробуй, урод».

«Не только попробую, но и сделаю. Завтра проснешься звездой».

Сашу затрясло в истерике. Ее так колотило, что она даже не могла набрать ответное сообщение. А Якобчук уже накидал новых целую вереницу:

«Что заткнулась? Уже не такая борзая?»

«Я могу и не постить, но с одним условием»

«Мое условие: с этого дня ты делаешь то, что я скажу».

Будешь послушной паинькой, и никто ничего не увидит».

«Молчание – знак согласия?»

«Вот и умница»

«Не бойся, ничего за гранью. Просто будешь выполнять кое-какие мелкие поручения. Вроде подай-принеси. При встрече будешь почтительно со мной здороваться...»

Дальше Саша уже не читала. Отшвырнула телефон и рухнула на кровать. Ее почти час лихорадило. И за целую ночь не удалось уснуть ни на минуту.

На другой день она пришла в гимназию буквально через силу. И первым, как назло, попался ей Якобчук.

– Не понял, а где «привет, Артем»?

Она ничего не ответила.

– Понял. Тогда, – вздохнул он, – будем делать из тебя звезду. В твою старую школу тоже твои нюдсы сольем. А то они там наверняка по тебе соскучились. И папке твоему тоже покажем.

Он достал телефон.

– Не надо! – выпалила Саша.

Якобчук вопросительно приподнял бровь.

– И всё?

– Пожалуйста, не надо.

– Детка, я тебе поставил условия. Не хочешь славы, будь покорной.

Саша молчала, глядя на него исподлобья.

– Ну? Я слушаю.

– Привет, Артем, – выдавила она.

– А улыбочка где?

Саша вымучила улыбку, больше похожую на гримасу.

– Ладно, на первый раз сойдет. Но в следующий раз вместо улыбки лучше склони голову. Знаешь, как в Японии. Типа, приветствую тебя, мой господин, – глумился Якобчук. – Поняла? А теперь на вот, отнеси мою сумку в класс, пока я схожу отолью.

Якобчук грубо сунул ей в руки свой сумку от Луи Виттона и расхлябанно пошагал в сторону уборной.

На следующий день Саша вообще не пошла в гимназию. Хорошо, что отец рано уехал и не узнал. Он и так последнее время стал допекать ее расспросами. Смотрел при этом так пристально. Наверное, ему опять учителя или директриса что-нибудь плохое про нее напели. Так и хотелось в сердцах воскликнуть: «Ну не стройте вы из себя папочку. Я же знаю, что нафиг вам не сдалась. Вы это даже не скрываете. Я только порчу ваш идеальный имидж».

Ничего такого она ему, конечно, не сказала. Она вообще по большей части отмалчивалась.

И вот теперь решила не ходить больше в гимназию. Может, и смалодушничала, но что еще делать? Быть на побегушках у Якобчука – гордость не позволяла. А послать его – не позволял страх, что он и правда эти проклятые фотки опубликует. Этот может.

От одной мысли, что эти снимки увидят люди, а особенно – он, Апронович, хотелось немедленно умереть со стыда.

А тем же вечером Якобчук ей скинул адрес и велел туда приехать. Про ее мнимую болезнь он даже слушать не захотел. И на все ее отговорки напоминал: *«Не придеешь – сама знаешь, что будет»*.

Ехать было откровенно страшно. И перцовый баллончик в кармане ничуть не придавал ей смелости.

Это была вечеринка у дружка Якобчука.

Саша стояла в просторном холле, сжимая в кармане баллончик и не решаясь зайти в гостиную, где собрался почти весь их класс. Ясно ведь, что ничего хорошего не будет.

– А вот и моя верная собачка прибежала, а вы не верили, – сообщил уже нетрезвый Якобчук. Саша вспыхнула, а все засмеялись. – Я ж говорил, что эта телка будет меня слушаться.

Вскоре он вышел сам.

– Ну чего тут стоишь? Пошли.

Но отвел он ее не к ним, а на кухню, огромную, красивую, правда, уже порядком загаженную.

– Короче, ты сегодня будешь нас обслуживать. Поняла?

– Чего?!

– Прислуживать нам будешь. Раздевайся давай до трусов. Надевай вот этот фартук. Вот поднос. Будешь нам подавать всё, что скажем. Приносить-уносить, как эта... официантка, – икнув, хихикнул он. – И заодно прибери тут. Вымой всё, посуду, пол...

Якобчук сунул ей в руку тряпку.

– Да пошел ты! Сам раздевайся до трусов и мой посуду.

Саша со злостью швырнула в него эту тряпку обратно, прямо в лицо.

– Э! Ты совсем охренела, коза! – он подался к ней, но Саша вынула баллончик и пшикнула.

Якобчук выматерился, начал неистово тереть глаза, а она, не мешкая, рванула в холл. Из гостиной тем временем показался Антон Пилецкий, хозяин дома. В руке он держал гудящий телефон.

– Эй, Тёмыч, твой отец звонит... А ты куда?

– Куда надо, – огрызнулась Саша. – Сами вы собаки.

Из кухни заголосил Якобчук:

– Ну всё, тварь! Готовься к славе!

Саша выскочила на улицу. Отбежала подальше и вызвала такси.

Назавтра Саша шла в гимназию как приговоренная к публичной казни. Однако ничего не происходило. Абсолютно ничего. Может, потому что Якобчук на занятия не явился, вроде как, заболел. И не слил пока фотки, видимо, хотел наблюдать воочию за ее позором. Но это было не спасение, а всего лишь короткая передышка. Он ведь еще придет, с тяжелым сердцем думала Саша, и тогда...

Спустя несколько дней Саше позвонил Купцов. Он приехал в Иркутск на соревнования. Они договорились встре-

титься.

В первые минуты оба испытывали неловкость, но через час уже взахлеб рассказывали друг другу, как жили минувшие полгода. Весь следующий вечер они опять провели вместе. И Якобчука Димка все-таки подкараулил до отъезда. Прислал потом Саше коротенькое видео, где в кровь избитый Артем стоит в грязи на коленях и просит прощения.

Больше она Якобчука не видела. Оказывается, его отец забрал документы и перевел Артема в другую школу.

Саша ликовала. Димка уже к тому времени вернулся в Братск, взяв второе место в своем весе. Поэтому она написала ему очень эмоциональное сообщение: *«Спасибо тебе, спасибо, спасибо, спасибо! Ты меня спас! Ты – мой герой! Ты – самый лучший! Этот урод больше у нас не учится! Ура!»*.

С того случая они потихоньку снова сблизились. Димка ещё несколько раз приезжал в Иркутск, на соревнования. Приезжал ненадолго, но обязательно находил время с ней встретиться. А последний год они практически каждый вечер общались или по видео, или переписывались. Саша буквально жила этими моментами. У Димки был уже готовый план на их будущее: они заканчивают школу, сдают ЕГЭ, он переезжает в Иркутск, поступает в местный университет физкультуры и спорта. Вместе снимают квартиру, вместе живут.

А теперь он пропал...

Наконец появились хоть какие-то новости о Димке. Правда, совсем безрадостные. Да что там, для Саши это был просто удар по ее и без того истощенной нервной системе.

Неделю, даже больше она ждала, когда Димка появится. Не хотела выглядеть в его глазах истеричкой и паникершей. Потом забила тревогу.

Раз за разом звонила брату, матери, Димкиному лучшему другу Арсению, кому-то еще. Даже, наступив себе на горло, набрала бывших подруг. Но это зря, конечно, они только поёрничали в свое удовольствие, дуры.

Арсений, как и Купцов, был постоянно не в сети. Парочка Димкиных одноклассников, которых она мало-мальски знала и нашла в соцсетях, тоже ничего не могли сказать толком. Виделись на последнем звонке и на экзамене по математике, и всё.

Мать отвечала через раз и, как обычно, еле языком ворочала, не понимая, что от нее хотят. Да и не знала она ничего.

Гарик тоже трубку не брал, а когда и отвечал, то разговаривал откровенно по-хамски. Практически посылал, не слушая. Это доводило до бешенства. Да, они были в ссоре последние месяцы, но ситуация ведь критическая. Человек пропал! Мог бы и выслушать её, и попытаться помочь. Сходить к нему домой, например. Маму его найти, сама Саша

не знала ее контактов. Ну или еще где-то поискать, поспрашивать на месте. Ведь она бы ему обязательно помогла, не раздумывая. Брат же.

Вообще, у них и раньше отношения не были теплыми, а с тех пор, как Саша переехала к Апроновичу, совсем испортились. Будто он злился на нее за что-то. Более-менее нормально говорил, только когда просил денег. Понемногу, но регулярно, то на одно, то на другое. Сначала хотя бы про спасибо-пожалуйста не забывал, а потом и вовсе брал как должное.

И когда Гарик позвонил ей в последний ее день рождения и вместо поздравления, хотя бы скупого, дежурного, пусть даже на отвяжись, сразу запросил: «Подкинь пару штук, а? А лучше три. У меня наушники накрылись», Саша не выдержала и вскипела: «А больше ничего не хочешь мне сказать?».

Гарик ее не понял и зло произнес: «Ну окей, если тебе так хочется, чтобы тебя упрашивали, – и с явной издевкой елеиным голоском добавил: – Можешь, пожалуйста, закинуть мне три штуки?».

«Да пошел ты. У меня вообще-то сегодня день рождения. Но ни ты, ни мать... ай да ну вас!». Саша сбросила вызов.

Она, конечно, не любила свой день рождения и с того злополучного четырнадцатилетия больше его не отмечала, но они же семья, самые родные и близкие...

Что удивительно, Апронович про нее не забыл. Даже взял с собой в какой-то модный гольф-клуб, хотел поучить ее иг-

рать. Правда, не вышло, но ведь главное, что вспомнил про нее, а они...

Зато Димка ее поздравил. Прислал букет роз, на стикере, конечно, но все равно приятно. И слов много ласковых написал...

Димка объявился сам. Точнее, его мама позвонила Саше, когда та уже на полном серьезе собралась ехать в Братск и думала, как сказать об этом отцу. Оказывается, Купцов встрял в крупные неприятности вместе с Арсением и еще какими-то своими дружками. После очередного экзамена они напились, угнали чужую машину, разбили ее и заодно помяли киоск, в который въехали. Мимоходом Димка подрался с прохожим за то, что тот сделал им замечание. Хотя, скорее, избил его, отправив беднягу в больницу.

А наутро, протрезвев, они испугались, что ночные приключения отольются им большими неприятностями, и решили затаиться. Всё это время жили в деревне у бабушки одного из парней, пока их все-таки не нашли. Теперь Димка сидит в СИЗО, и ему грозит срок.

– Это всё дружки его! – плакала в трубку Димкина мама. – Они его сбили с толку. Он же не такой. Он серьезный стал. К тебе хотел уехать. Готовился поступать, а теперь вся жизнь под откос.

Саша ошарашенно молчала. Просто не знала, не имела ни малейшего понятия, что нужно делать в таких случаях.

Немного оправившись от потрясения, она спросила:

– И что теперь с ним будет?

– Судить его будут. Посадят. Адвокат сказал, что хорошо, если дадут пять лет. Это самое меньшее. Но могут и больше. Еще выплачивать столько придется... и за услуги адвоката... Ума не приложу, что делать. Как теперь жить...

Всю ночь Саша не спала, то горько рыдала, то ругалась на Купцова за его дурость. И всё думала, как ему помочь. Он, конечно, бестолочь. Таких вывертов она от него никак не ожидала. Но пять лет! А то и больше!

На другой день, она, набравшись мужества, обратилась к отцу. Рассказала ему без утайки обо всем. И попросила помощи. Ведь если кто и мог выручить Димку, то только он.

Отец выслушал ее молча, с непроницаемым лицом. Впрочем, нет. В какой-то момент у него промелькнуло что-то вроде легкой брезгливости и разочарования. Но ей было все равно, главное пусть что-нибудь сделает. Он же может!

– Помоги ему, пожалуйста. Я очень его люблю, – сглотнув ком, повторила Саша, потому что он так и не сказал ни слова.

– Я подумаю, – наконец произнес он сухо. – Иди.

Следующие несколько дней Саша его не тревожила, терпеливо ждала, только за ужином заглядывала в лицо с надеждой, но он даже не заговаривал про Димку, словно забыл

о ее просьбе.

Но, оказывается, не забыл...

Спустя ровно неделю, отец так же, за ужином, сам вернулся к тому разговору. Внимательно посмотрев на нее, сообщил:

– Человек, которого избил этот... Димка, работает врачом-хирургом. Точнее, работал. Потому что больше оперировать он не сможет никогда. Из-за многочисленных переломов. Ему сорок лет. У него старенькая мать, жена и двое маленьких детей. Разве этот Димка, по-твоему, не заслужил наказания?

Саша густо покраснела и не нашлась, что сказать. Опустив голову, она долго молчала.

– Ладно. Я хочу, чтобы ты понимала, совсем уйти от ответственности ему не удастся. И это будет правильно. Он должен отвечать за то, что сделал. Он сядет, но приговор можно смягчить и значительно уменьшить срок. Скажем, до года.

– Правда? – встрепелась Саша. – А как? Что нужно сделать?

– Это моя забота. Сейчас я хочу поговорить о другом.

– О чем? – нахмурилась сбитая с толку Саша.

– О твоём будущем.

Она обескураженно воззрилась на него.

– Тебе нужно выйти замуж.

– Ч-что? – поперхнулась она.

– Я не могу тебе сейчас всего объяснить, но, поверь, это для твоего блага.

– Ты ведь сейчас шутишь?

Апронович пропустил ее реплику мимо ушей, продолжая рассказывать ей про какое-то невысказанное замужество и как ей будет от этого хорошо.

– Нет! – прервала она его, повысив голос. – Ни за кого я замуж не пойду! Ты с ума сошел! Что это вообще за бред?

Взгляд его мгновенно сделался холодным.

– Уговаривать тебя у меня нет ни времени, ни желания, – произнес спокойно и сухо. – Обсудим этот вопрос позже, когда ты придешь в себя. А пока подумай над тем, насколько сильно тебе хочется помочь этому Димке.

– То есть это вот такой шантаж?

– Мне все равно, как ты это назовешь, – он встал из-за стола и покинул комнату.

– Ненавижу, – прошипела вслед ему Саша.

– Артур, приходи к нам завтра вечером на ужин. Познакомлю тебя с дочерью. Скажем, часов в семь. Удобно? – произнес Апронович, не отрываясь от бумаг, которые подал ему Левицкий.

Артур ответил не сразу. На завтра был выходной, суббота. Он наметил себе кое-какие дела, но, в принципе, ничего сверхважного.

– Хорошо, – после небольшой заминки согласился он.

Игорь Романович поднял на него глаза, посмотрел внимательно.

– Если у тебя какие-то планы, можно выбрать другое время.

– Пусть будет завтра.

– Может, прислать за тобой водителя?

– Не надо. Отправьте координаты, сам доберусь.

– Хорошо, договорились. У тебя еще сегодня что-то есть срочное?

– Нет.

– Тогда можешь быть свободен. В смысле, можешь ехать домой.

Артур кивнул, вышел из его кабинета, спустился к себе. До конца рабочего дня оставалось еще три с лишним часа. И, несмотря на дозволение Апроновича, он остался работать

и поехал домой ровно в шесть, ни минутой раньше.

В этих маленьких поблажках со стороны босса Артур усматривал своего рода благодарность за то, что он согласился на его предложение. Но ему это было не нужно. Более того, они доставляли ему внутренний дискомфорт.

Позавчера он пригласил его с собой на обед в ресторан. Но это еще ладно. А вчера на глазах у всех Игорь Романович приструнил своего зама, директора по финансам Волкова, который орал на Левицкого. Новенькая девочка-менеджер напортила с договором, вбив реквизиты с ошибкой, у финансистов зависли платежи, и Волков по каким-то своим соображениям спустил всех собак на Артура, который, впрочем, его даже особо и не слушал. Равнодушно, со скучающим видом смотрел на багровое от натуги лицо, на кривящийся рот, на белые островки слюны, скопившиеся в уголках этого рта, и ждал, когда Волков проорется. Но Апронович прервал его крики. Кивком подозвал к себе, меньше минуты что-то негромко ему говорил и затем ушел. А финансовый директор, немного постояв в растерянности, обернулся к Левицкому, пробурчал извинения и спешно удалился. Офисные сплетницы потом на сто раз обмусолили эту сцену.

Не то чтобы Артура волновали сплетни, но такое особое отношение босса и все эти преференции его тяготили. Может, с непривычки. Но было легче, когда тот просто отдавал приказы, строго держал дистанцию и самое большее – мог скупно поблагодарить за хорошую работу.

А теперь Игорь Романович относился к нему так, словно он ему, как минимум, жизнь спас. Ну да, он принял его предложение, согласился опекать его дочь в скором будущем. Просто не мог не согласиться. И не потому, что он – его босс. И, уж конечно, не за полцарства в придачу к невесте. А потому что Апронович по-человечески ему нравился.

Игорь Романович не был самодуром, как отец. Не выпячивал свое «я», не мелочился. Никогда не повышал голоса, но умел заставить себя слушать. Не лез в душу, как все остальные, поначалу допекавшие его расспросами, почему он бросил музыку, дом, семью. Могло показаться, что он равнодушен, человек-айсберг, все у них, в общем-то, так и думали, но Левицкий знал – это не так. Просто Апронович не показывал виду, но всегда подмечал детали и делал верные выводы.

Когда три года назад Артур только устроился к нему на работу, как он сам тогда думал, ненадолго, просто перебиться на какое-то время, то поначалу жил впроголодь.

Деньги, что остались на карте после ухода из дома, утекали как вода. Он снял квартиру на полгода вперед, прикупил самое необходимое, несколько раз заправился, и всё. Затем пришлось пересесть на общественный транспорт. Оказалось, его роскошная машина слишком много съедала бензина. Раньше он на это и внимания не обращал. Научился сам стирать и гладить свои вещи. Питался тогда тоже очень скудно. Надо было как-то дотянуть до первой зарплаты.

В то время они работали еще в старом офисе – небольшом старинном доме в самом центре города. В обеденный перерыв коллеги начинали разогревать свои миски и тарелки, а у него от этих запахов до рези подводило голодный живот. Когда они его спрашивали, почему он не обедает со всеми вместе. Он отвечал: «Не хочу».

Апронович ничего не спрашивал. Только задержал как-то на нем взгляд, потом вызвал к себе и без лишних унижительных вопросов выдал наличкой аванс, будто так и положено.

Бывали и другие моменты за эти три года, когда он вдруг проявлял неявное, но такое нужное участие. Левицкий это помнил и ценил. И отчаянно жалел, что с боссом случилось такое...

Артур спустился на подземную парковку бизнес-центра, а через несколько минут темно-синий Бентли уже мчал его домой. Точнее, в съемную квартиру в другом конце города, где он так и жил с тех пор, как ушел от родителей.

На следующий день он поймал себя на том, что внутри скреблось, пусть легкое, но все же беспокойство. И сам не мог сказать, неужели это из-за того, что вечером ему предстоит знакомство с дочерью Апроновича? Хотя что тут удивительного. Ситуация и правда какая-то абсурдная. До сих пор не верилось, что это и правда с ним происходит. Даже когда отец пытался навязать ему брак с Юлианной, не возникало настолько сильного ощущения чего-то противоесте-

ственного.

К дому Апроновича Артур подъехал чуть раньше семи. Игорь Романович вышел его встречать сам. Проводил в просторную гостиную и ненадолго оставил его одного.

Артур и осмотреться не успел, как он уже вернулся.

– Скоро будем ужинать. А пока я хочу кое-что тебе сказать. Прежде всего, еще раз спасибо. Сейчас спустится моя дочь. Она не знает ничего про мой диагноз. И не должна узнать. Может, позже скажу сам, когда сочту нужным, не знаю. Но пока пусть так. Поэтому прошу, не проговорись.

Левицкий кивнул.

– И еще. Я уже говорил тебе, что она у меня девушка сложная, с характером. Всё в штыки принимает. Но сейчас, думаю, она будет еще сильнее показывать свой нрав. Просто она девчонка еще совсем. Думаю, повзрослеет – перебесится. Поэтому, прошу, Артур, прояви с ней немного терпения.

– А она хотя бы знает, что...

– Что вы скоро поженитесь? Знает, потому и злится. У нее был там какой-то не то друг, не то возлюбленный. Малолетний отморозок. Наворотил дел и сидит теперь. Пока в СИЗО, до суда. Я обещал помочь, точнее, уже помогаю, в обмен на этот брак.

– И она согласилась?

– Согласилась, конечно, куда ей деться.

После такой вводной Артуру еще меньше стала нравиться

эта идея с браком, но пути назад уже не было. Он хотел еще что-то сказать, но Игорь Романович, сидевший в кресле напротив, лицом к дверям, бросил взгляд за его спину.

– А вот и моя дочь. Познакомься, Артур. Это Саша.

Артур оглянулся и сразу напоролся на тяжелый взгляд исподлобья. Дочь Игоря Романовича стояла в дверях и смотрела на них обоих с неприкрытой ненавистью. Как на злейших врагов.

Артуру вдруг вспомнилось, как отец знакомил его с Юлианной. Она была дочерью известного и авторитетного в их кругах музыкального критика Якова Шульгина, с которым отец водил давнюю дружбу.

Отец страстно хотел породниться с Шульгиными. Считал Юлианну – единственной достойной кандидатурой, а остальных девушек отметал, не глядя. И страшно негодовал, когда узнавал, что Артур общается со всякими «шлюхами». Именно такими словами, а то и куда жестче, награждал он вообще каждую, с кем Артур был замечен.

Не пощадил даже его первую невинную любовь, школьную подругу, совсем еще девочку. Правда, тогда не из-за Юлианны, а чтобы «какие-то шашни не мешали музыкальной карьере сына».

Юлианна была очень даже хорошенькой, милой и утонч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.